

СБОРНИК СТИХОВ

Лауреаты конкурса
«Пятая стихия»
Международной
литературной премии
имени Игоря Царёва
(2025 год)

СБОРНИК СТИХОВ

Лауреатов

двенадцатого поэтического конкурса

«Пятая стихия»

Международной литературной премии

имени Игоря Царёва

(сезон 2025 г.)

2026 год

Эта книга – двенадцатая из серии поэтических сборников, в которую вошли произведения авторов, отмеченных Конкурсной комиссией Международной литературной премии имени Игоря Царёва. У тех, кто уже знаком с предыдущими сборниками стихов «Пятая стихия» (по итогам 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 и 2024 годов), не должны вызывать удивление повторяющиеся в каждом выпуске сборника тексты «Аннотации», «Предисловия» и «Вместо вступления» лишь с небольшими внесенными в них сообразно каждому периоду времени дополнениями – ведь многие прочитают эти тексты впервые...

Аннотация

«Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненужностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми», – писал Игорь Царёв.

Избыточная информация, которую поглощает современный читатель, порой не позволяет вычленивать из общей массы достойные поэтические произведения. Возникший в поэзии вакуум заполняется именами из прошлого века или именами с голубого экрана, и читатель порой даже не подозревает, что в просторах виртуального пространства родились и творят новые Поэты...

Эта книга – сборник стихов наших современников. Хочется верить, что среди них есть те, чьи имена когда-нибудь будут стоять в одном ряду с именами своих великих предшественников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 апреля 2013 г. ушел из жизни замечательный русский поэт Игорь Царёв.

Уроженец Приморья, детство и юность проведший в Хабаровске, студенческие годы – в Ленинграде (Санкт-Петербург), свои последние 30 лет он прожил в Москве. Работал в «Московском комсомольце», «Труде», «Российской газете». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 12 научно-популярных книг, более 1000 публикаций в СМИ, он писал стихи, которые были высоко оценены мировым литературным сообществом.

Подборки стихов Игоря Царёва публиковались в российских и международных литературных журналах и альманахах, таких как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Ковчег», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многих других.

Он был лауреатом и призером многих российских и международных поэтических конкурсов. Только за последние пять лет жизни стал победителем конкурсов «Споёмте, друзья – 2008», «Серебряный стрелец – 2008», «Заблудившийся трамвай – 2011», премии «Поэт года – 2012», Международного конкурса художественного творчества «По Чехову», Международного конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина в номинации «Большая поэзия», обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века, приза литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес) – 2013 год...

Игорь Царёв награжден «Золотой Есенинской медалью», медалью А.С. Грибоедова, медалью Н.С. Гумилева, дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И. Вернадского, имени Александра Блока и многими другими.

В 2002 году вышла книга его стихов «Море камни не считает». В 2011 году был издан сборник стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети выпущен сборник «Переводы с языков пламени». В 2014 году – сборник стихов «Любя и веря вопреки...», в 2018 году – сборник стихов «Дети Империи», в 2020 г. – сборник стихов «Обетованная Вселенная». Также его стихи вошли в знаковые поэтические альманахи лучших произведений наших современников.

В 2019 г. решением Президиума Международной академии русской словесности Игорь Царёв был удостоен звания «Народный поэт России» (посмертно).

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения его литературного наследия, в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности **11 ноября 2013 года была учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.**

Учредителями премии стали: Ирина Борисовна Царёва – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; Вадим Петрович Могила – отец Игоря Царёва, профессор; Марк Григорьевич Розовский – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; Людмила Николаевна Мережко – заслуженный работник культуры РФ,

председатель Правления Московского литфонда; Международный поэтический альманах «45-я параллель»; Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия); проект «Русское безрубжье» (США); Южнорусский союз писателей (Украина); Межрегиональная общественная организация - Литературно-общественное объединение «Изба-Читальня».

В качестве информационной поддержки конкурсов Премии имени Игоря Царёва выступили: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), интернет-журнал «Эрфольг», радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

Итоги Первого конкурса Премии имени Игоря Царёва (сезон 2013–2014) были подведены на Торжественной церемонии вручения премии и наград 11 ноября 2014 года – в день рождения Поэта. Финальным аккордом конкурса стал выход в свет сборника стихов лауреатов Первого поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» в 2015 году (бумажный вариант).

Второй сборник стихов лауреатов конкурса серии «Пятая стихия» (в электронном виде, как и дальнейшие выпуски) вышел в 2016 году по итогам Второго поэтического конкурса имени Игоря Царёва (2015 г.).

Презентации последующих сборников произведений лауреатов «Пятой стихии» прошли в ноябре 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 годов на Торжественных Церемониях вручения наград Премий этих лет.

Подборки стихов авторов, представивших на конкурс «Пятая стихия – 2025» произведения, отмеченные Конкурсной комиссией, вы можете прочитать в двенадцатом сборнике «Пятая стихия – 2025», составленном по итогам поэтического конкурса Международной премии имени Игоря Царёва 2025 года, а также по итогам поэтического конкурса детских стихов «Царевнам и царевичам – 2025».

Сборник выпущен совместными усилиями Ирины Царёвой – жены поэта, члена СПР, учредителя Международной литературной премии им. Игоря Царёва, формирующей материал для публикации и подготовившей электронную версию книги редакционной команды Литературного фонда «Пятая стихия»: редактор – Галина Лелянова, верстка и макет – Александр Лелянов, авторский материал подготовила куратор конкурса Татьяна Баранцева, раздел «Царевнам и царевичам» представила куратор детского конкурса Тамара Шемякова.

Валерий Белов,
член СПР,

*действительный член Международной академии русской словесности,
главный редактор литературного портала «Изба-читальня»*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Двенадцатый поэтический конкурс Премии стартовал 11 января 2025 года.

К участию в конкурсе были приглашены поэты, музыканты, исполнители авторской песни, а также для участия в номинации «Верность памяти» – критики, филологи, литературоведы, переводчики и коллеги-поэты, изучающие творчество Игоря Царёва и пропагандирующие его.

От участников конкурса в номинации «Поэзия» ждали безупречного владения русским языком, высокой техники стихосложения, благородства и честности личного мироощущения.

Для участия в номинации «Музыкальные произведения» были приглашены авторы песен на стихи Игоря Царёва, сумевшие понять и прочувствовать авторский текст, объединить стихи и музыку в единое целое.

В этот сборник, прежде всего, вошли стихи лауреатов поэтического конкурса Международной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия – 2025». Но не только их стихи включены в сборник. Решением оргкомитета Премии к участию в нем приглашены и авторы, боровшиеся за выход в финал, а также участники еще одного поэтического конкурса, проведенного под знаменем Игоря Царёва – стихи для детей «Царевнам и царевичам-2025».

В 2025 году поэтический конкурс сопровождал литературный обозреватель – Марк Шехтман (г.Маале-Адумим, Израиль). В сборнике присутствует и его оценка литературных произведений, представленных авторами на конкурс.

Все тексты, составившие сборник, предложены читателю в авторском варианте без правок редактора и корректора, авторская орфография и пунктуация сохранены.

Стихи сборника «Пятая стихия - 2025», без сомнения, заслуживают внимания читателя. Есть в этом сборнике имена, которым дано прославить русскую поэзию.

Оргкомитет конкурса

ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ

Конкурсная комиссия отметила достойный уровень работ, представленных на конкурс.

От председателя Конкурсной комиссии

В этом, как и в трех предыдущих сезонах, число заявок на наш конкурс с 2022 года уменьшилось. И это объяснимо: на конкурс опасаются отправлять свои произведения авторы из Украины и других недружественных России стран – кто-то из опасения последствий, а кто-то и из принципиальных соображений. Это обстоятельство огорчает, но и облегчает работу Конкурсной комиссии, никак не сказываясь на самом качестве конкурса. Более того, он стал более элитарным, так как отбор проходит более тщательно.

Поддерживая высокий уровень конкурса, жюри допускает теперь во второй тур заметно меньшее число конкурсантов. И если ранее после первого тура отсеивались, скажем так, не самые интересные работы, то теперь во второй тур проходят только те, которые могут претендовать на участие в соревновании за выход в финал.

Но часть работ, даже не прошедших во второй тур, не лишена перспективы в будущем. Эти же стихи в других конкурсах, где требования к поэтическим произведениям не столь высоки, выходят в финал и даже порой получают награды победителей. Да и у нас были случаи, когда авторы, выбывшие из соревнования после первого тура, но поработавшие над качеством своих творений, через год-два становились финалистами «Пятой стихии».

Из присланных на конкурс более двух сотен произведений в почетном втором туре за выход в финал соревновались 39 работ. По его результатам в финал вышли стихотворения 10 авторов. А победителем в поэтическом конкурсе «Пятая стихия – 2025», стал **Геннадий Григорьев (Григорий Егоркин)** из г. Челябинска. Поздравляем!

Спасибо всем участникам конкурса! До новых встреч! И всем – успеха!

*Председатель Конкурсной комиссии,
Заслуженный работник культуры РФ
Игорь Витюк*

От литературного обозревателя

Десятка финальных текстов Конкурса «Пятая стихия – 2025» произвела на меня сильное впечатление с точки зрения идейно-тематического разнообразия стихотворений, технического мастерства авторов, оригинальности и яркости их видения мира. **Для меня нет сомнений, что эта лауреатская десятка ярче и сильнее тех итоговых подборок, с которыми я имел дело в предыдущие годы.**

Вместе с тем, общее количество текстов, поданных на Конкурс, в этом году, как и в прошлом, заметно ниже, чем это было раньше. Отчасти это объясняется оттоком произведений авторов зарубежья, отношения с которым осложнились или прервались после начала СВО. Но более важным фактором мне кажется высокий уровень Конкурса, на итоговые туры которого имеют шансы выйти лишь те, кого уже с полным правом можно назвать поэтами. Естественно, такая репутация в известном смысле смущает авторов начинающих, не уверенных в уровне своего творчества, боящихся конкуренции и разочарования. Их можно понять, но вспомним, как написано в замечательно романе Владимира Орлова «Альтист Данилов»: «Боящийся несовершен в любви», – в данном случае, в любви к поэзии.

До новых встреч!

*Литературный обозреватель
Поэтического конкурса Премии «Пятая стихия»
Марк Шехтман*

Поэтический конкурс сезона 2025 года прошел в том же формате, что и в 2024 году. Вместо девиза, определяющего тематику всего конкурса, каждому участнику было предложено предварить свое конкурсное произведение эпиграфом – строками из стихотворений Игоря Царёва.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС ПРЕМИИ «ПЯТАЯ СТИХИЯ» 2025 года

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Геннадий Григорьев (Григорий Егоркин),
г. Челябинск, Россия

Конкурсное произведение

Будем жить!

*«Ты слышишь, как вокруг в ночи
Поспешно точатся мечи?
Так что же ты стоишь? Точи!
Не отставай от века!»*

Игорь Царёв, «В ожидании войны»

Обычный дом. Не терем княжий,
но срублен крепко, на века.
Вот лавка, стол, вот миска с кашей,
а к каше – крынка молока.

У печки снимок в старой раме,
на раме солнца лёгкий блик.
А у стены, под образами,
ребёнок, женщина, старик.

Стол, лавка, крынка, с кашей плошка –
весь немудрёный их уют.
Но не в руках – поодаль ложки.
Сидят.
Молчат.
Кого-то ждут.

Кто может стукнуть в дверь снаружи,
их немь нарушив наконец?
Кто с ними должен сесть за ужин?
Ответят: «Сын, супруг, отец».

В часы багрового заката,
когда во двор ломился враг,

он встал, промолвив виновато:
«Там без меня, видать, никак».

Ушёл-уплыл на дальний берег,
что затерялся в льдистой мгле,
оставив свой не княжий терем,
оставив ужин на столе.

Назад, известно, путь не близкий,
шагать далёко-далеко...
Но не остыла каша в миске,
не скисло в крынке молоко.

Украдкой бросив взгляд в окошко,
мотнув на снимок бородой,
дед отчеканил: «Возвернётся!
Примета верная – живой.

Смекаю, днесь, как и доныне,
цела связующая нить.
Пока не киснет и не стынет –
мы будем ждать.
Мы будем жить!»

От литературного обозревателя

В предварительном обзоре по поводу этого текста мной было сказано следующее: «Наверное, многим любителям и знатокам литературы лирика борьбы и героизма периода Великой Отечественной войны представляется выдающейся частью русской поэтической классики. Как мы видим, её традиции бессмертны и проявляются тогда, когда в них возникает потребность. И именно их с удивительной ясностью мы видим в этом стихотворении. Искренне надеюсь встретиться с ним ещё раз».

Я рад, что члены жюри высоко оценили эти стихи, и они оказались в числе финалистов. И теперь можно более подробно рассмотреть приметы и проявления тех традиций, которые с удивительной ясностью и бесспорностью в полный голос заявили о себе в этом стихотворении, точно продуманном и хорошо написанном.

В экспозиции появляется «Обычный дом. Не терем княжий, // но срублен крепко, на века» – и это подчеркнутая обыкновенность, соединённая с прочностью и стойкостью, становится аллегорией страны, и народы, чьи сыновья «в час багрового заката» понимают, что пришёл час сражаться. И вряд ли случайно эти стихи поданы на конкурс, проходящий в году, который иначе, чем военный, назвать нельзя...

Следует отметить, что вся архитектура текста – от деталей обстановки до поведения и лексики героев – подчёркивает обыкновенность ситуации. Но разви-

тие сюжета приводит читателя к осознанию того, что сегодня эта обыкновенность окрашена в цвета войны и опасности и что готовность к защите своего дома – это для персонажей сюжета норма и обыкновенность. И осознаётся ими эта норма как долг совести и право быть со своим народом.

Героизмом это назовут потом.

Подборка стихотворений Геннадия Григорьева

Млечный Путь и лужа

Ветвистость груш, кряжистых кедров стать,
карагачей картинная застылость –
погожим днём вся эта благодать
в простой дворовой луже отразилась.

Свет заменили тьмью. Но и тут
для лужи приготовлен важный труд:
ночной мошке являя свою гладь,
мерцанье звёзд собой преумножать.

Метёлки взмах – на месте лужи муть.
Отныне вместе с ней в ряду покойных
деревьев лес (и лиственных, и хвойных),
рой мотыльков, а также Млечный Путь.

И бархат дня, и ночи нежный плюш
не те вполне без тёплых летних луж.

Мамины стежки

Он мне запомнился такой:
серьёзный взгляд, под бобрик стрижка,
пушок не сбритый над губой
и весь в веснушках – как мальчишка.

А за окном каштан зацвёл,
шмели гудят – начало мая...
Когда его несли на стол,
хирург шепнул: «Минно-взрывная».

Час? Два? Четыре? Сколько с ним
мы были там – не помним сами.
Зажим... Дренаж... Ещё зажим...
Начмеда голос: «Парень с нами!»

Мельканье жизней и смертей
стирает всё, как влагу вата.
Но как-то раз, в один из дней,
сама зашла к нему в палату.

Я про микстуры, сон, бандаж...
А он чуть слышно, лишь губами:
«Вот этот, сбоку, шов – он ваш?
Зачётный шов, как будто мамин.

Мы мяч гоняли, пацаны,
аж брюки в клочья. И ночами
мне мама штопала джинсы
почти такими же стежками.

А с нашим танком можно так?
Он возле речки, где плотина.
Вот бы пяток стежков на трак,
куда его из джавелина».

А на дворе всё тот же май:
каштан буянит, шмель летает...
Смеюсь: «Конечно, пригоняй,
стежков у мам на всех хватает».

С улыбкой лёг лицом к стене,
щекой согрел излом подушки...

...

Зачем танкистам на войне
такие детские веснушки?

Театр. У рампы

С нуля?.. С начала?..
Это ль не химера:
преодолев волнение и испуг,
забыв про преисподнюю партера,
шагнуть как есть – вот в этот самый круг?

Наотмашь по щекам кнутом стегает
смешок, вспорхнувший с самых первых мест,
но тот, кто всходит к рампе, он-то знает,
что круг на сцене – тот же самый крест.

Свет пригибает к полу. Что за дело!
Умел подставить плечи – так неси!
Но как, скажите, оставаться в белом,
когда влачиться надо по грязи?

Как, повинуюсь взгляду или вздоху,
смотреть в клубок запутанную нить?
Как начерно прожитую эпоху
вдруг просто взять – и набело прожить?

Прожить насквозь, навзрыд, напропалую,
страдая, корчась, славя и любя?
Прожить хотя бы раз на чистовую,
прожить за всех.
А значит – за себя.

Но знаю, выйдет! Не наполовину,
не на четыре пятых, не на треть,
когда подставить тяжести всю спину
и вспомнить что-то главное суметь.

И я припомню – медленно, по крохам:
жара... пустыня... скудная земля...
Эй! Обнулите счётчики эпохам!
Я начинаю заново.
С нуля.

Водица поможет

«Ничёсе дедок – цельный архимандрит!» –
роняет шеренга остроту.
Святою водою усердно кропит
поп нашу безбожную роту.

По меркам войны не его перевес
на ротном плацу в этом часе:
нас, грешников, сотня – в разгрузках и без,
напротив – один он. При рясе.

Но батя и бровью седой не ведёт,
ему что комбриг, что водила...
И ловим мы скулами капельки от
большого, как веник, кропила.

Весенним дождём умывает вода,
пьянит непроцеженной бражкой.
У взводного Юрки мокра борода,
у Вити-минёра – тельняшка.

Стоит, улыбаясь, окопный народ,
не горбит под брызгами спину.
И как бы случайно я свой пулемёт
под тёплые капли подвинул.

Стекает по мушке одна – как слеза...
Но надо братве приколоться:
«Слышь, батюшка, в чём же твои чудеса?
Водичка, небось, из колодца!»

У старца морщинки сбежали с лица,
вдруг стал – и моложе, и строже:
«Господь с вами, дети, вода из Донца.
Воюйте,
водица поможет».

Четыре мужика

Мороз отчаянный – до злости,
оградки в хлопьях куржака.
И землю долбят на погосте
четыре дюжих мужика.

А почва стылым монолитом
спеклась в гранит – дубак такой.
Её бы надо динамитом,
а не лопатой и киркой.

Кто упокоится в могиле?
Прораб? Артист? Шофёр? Солдат?..
Трудяги плечи распрямили,
из рук не выпустив лопат.

Взгляд отстраненный – как с чифира,
от мокрых спин идёт парок.
«Кому готовите квартиру?»
«Так, – отвечают, – Роем впрок.

Работа трудная, но сдюжим,
на наш товар особый спрос.
А стужа... Мало ли что стужа,
ловчей копается в мороз».

...Я уходил. А эти снова
взялись за труд к руке рука.
Навет,
Коварство,
Зависть,
Злоба –
четыре дюжих мужика.

Я – наган

Я был рождён как пистолет –
не саблей, не пращой.

Мне очень-очень много лет,
да, мне уже за сотню лет,
но послужу ещё.

Ведь, как и прежде, мой курок
изгибом крут и зол,
не сточен временем боёк,
стальной проверенный боёк,
и смазан маслом ствол.

Я помню ночь на тыщу ватт
и день черней угля.
И в брата шлёт три пули брат,
свинцовых пули – в брата брат,
он из меня стрелял.

В подвале штаба Колчака
я метился в шинель
седого дядьки из ЧК,
казак сказал, что из ЧК.
Все пули – точно в цель.

Что дальше? В памяти забор,
Норильск, барак, февраль...
Когда чуть сзади и в упор,
в затылок – резко и в упор,
промажете едва ль.

Теперь я стар. Но я солдат,
и вот о чём прошу:
хочу туда, где целит брат,
сегодня в брата целит брат.
Я честно послужу!

Тире и точки

Ведём беседу. Смысла – ни на грамм,
стучат по мостовой слова-подковки...
А в чём значение этих телеграмм?
Поди-ка, разбери без дешифровки.

Тире и точки... Точки и тире
в мозгу завязли, словно эхо в скалах.
О чём мы в этой радиоигре?
О явках? О пароях? О провалах?

Провал... Он, говорят, бывает раз,
и у агента нет другой попытки.
У нас не так. И вот за часом час
ползут по пустоте слова-улитки.

Слова-улитки. Впрочем, всё равно.
И – так, наверно, учат в разведшколе –
я отключаюсь. Падаю на дно.
Я строго засекречен. Я в подполье.

Молчу, как шпик. Да, в этом ты права:
я Зорге, Мата Хари, Даллес Аллен...
Другим радируй ключики-слова –
мой резидент давно уже провален.

Спа-бра

Мы тащили его сквозь зелёнку –
не балетных калибров мужик.
А по веткам и стеблям вдогонку:
вжик
вжик

Балки, взгорки, подъёмы и спуски...
«Я живой?» «Не несли, был бы труп».
У сержанта под дреной разгрузкой:
хлюп
хлюп

Тянем ношу – траншейное племя,
до смертельной свинцовости рук.
Автоматным прикладом о темя:
тюк
тюк

Прикипели к лопаткам тельняшки,
льёт напалмовым жаром июль.
Пять минут передыха. Из фляжки:
буль
буль

В догонялки играем иль в прятки,
у косой вырываясь из лап?
Лишь из мокрой насквозь плащ-палатки:
кап
кап

Но всему есть конец. Есть он даже
у клубка еле видимых троп.

Бруствер... Бэтэр... Блок-пост... Вроде, наши.
Всё,
стоп

Вон палатка с крестом – где черешня,
там дырявых берут на постой.
«Ну, покеда! Живи, дээргэшня,
лет
сто»

Подымили с лепилами трохи.
А в палатку ушли доктора,
он глаза приоткрыл, и на вдохе:
«Спа...
Бра...»

Райский спецназ

Говорят, что солдат, умирая,
попадает в небесный штрафбат.
Серафимов дежурная стая
забирает его автомат.
Ноги в цепи, колодку на выю –
и под стражу надёжную, в сруб.
За грехи, мол, свои фронтовые
посиди до архангельских труб.

А затем по-над облачным плёсом
по этапу – в небесный стройбат,
где бойцу херувимским начхозом
будет выдан комплект из лопат.
Шепчут ратнику истово в уши,
возглашая иную юдоль:
«На земле всё коверкал да рушил,
а теперь, сударь, строить изволь».

Врут, конечно.
Солдат, погибая,
поступает в небесный спецназ.
И в засечных предместиях рая
получает последний приказ:
«В полный рост, рукопашным замесом,
не жалея зубов и штыков,
батальоны прорвавшихся бесов
отшвырнуть от Господних альков!»

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Александр Быстров,
г.Мытищи Московской обл., Россия

*Финалист номинации «Поэзия»
Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года, лауреат
«Премии симпатии членов жюри 2025 года»*

Конкурсное произведение

Собираю

*«Жизнь – и монета,
и дырка в кармане плаща...»
Игорь Царёв*

Собираю из кусков,
Дней, мелькающих так скоро,
Пустяковых разговоров
И невысказанных слов,
Из намерений благих,
Из надежд, ушедших с ними,
Из потерь невозполнимых
И находок дорогих.

Составляю наугад,
По сомнениям и вере,
По простой и ясной мере,
Данной много лет назад,
По словам и по делам,
По мальчишеским приметам,
По библейскому завету
С материнским пополам.

Намечаю, словно дом,
По венцам, по звонким брёвнам,
И по линиям неровным,
Словно тропку на ладонь.

Подгоняю и крою,
Как рубашку, из мгновений,
Как полёты из падений,
Собираю жизнь свою...

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

«По сути своей это стихотворение не что иное, как образное изложение важнейших для лирического героя нравственных и поведенческих принципов. Текст не предлагает читателю броских метафор и сравнений, но, вероятно, именно поэтому так бросается в глаза дерзкий финальный оксюморон: «Как полёты из падений, // Собираю жизнь свою...» И, как мне кажется, именно в этом стихотворении разница между лирическим героем и автором минимальна, а возможно, и вовсе отсутствует. Уж не исповедь ли перед нами?...»

Это стихотворение выглядит несложным по построению. Оно легко читается благодаря короткому хореическому размеру и так же просто воспринимается, поскольку в нём нет событийного сюжета. Но уже после первого прочтения остаётся чувство как после разговора с человеком умным, немало прожившим, всякое повидавшим и испытавшим. Объяснение этому чувству можно найти, поняв, что в простых по форме строчках автор предложил нам разные по содержанию и масштабу, но важные для него события и мысли. Каждая строка уже такой пример: от обычных «Дней, мелькающих так скоро, // Пустяковых разговоров // И невысказанных слов» – до дел и привычек, которые выстраивают жизнь «По библейскому завету // С материнским пополам». Перед нами не перечень событий, а внутренний монолог действительно исповедального характера.

И в том, что эти стихи так просты по построению и так глубоки по содержанию, проявляется немалый талант их автора.

Подборка стихотворений Александра Быстрова

Музей

*«В воскресный день с сестрой моей мы вышли со двора.
– Я поведу тебя в музей! – сказала мне сестра».*

Сергей Михалков

В Египте не сочтёшь людей и не сочтёшь дорог.
Одной из них в воскресный день к евреям шёл пророк.
Он проповедовал и шёл, и больше – ничего,
но проникала в каждый дом святая речь его.
– На свете, братья, место есть, где мир и благодать,
мечтаю я пойти в музей и вас туда забрать.
Вставай, потерянный народ, очнись от жизни сей,
я поведу тебя в музей! – воскликнул Моисей.
Евреи встали, взяли скарб, щепоть родной земли,
запас еды на сорок лет, вздохнули и пошли...

В воскресный день, в такой-то год, как летопись гласит,
поляки шумною толпой болтались по Руси
и разоряли то амбар, а то обоз с треской,
тут подошёл случайно к ним крестьянин костромской.
– Панове, так заведено, что дорогих гостей
первейшим делом на Руси всегда ведут в музей.
Обычай надобно блюсти, давно на том стоим,
и я вас поведу в музей, – сказал крестьянин им.
Поляки спели «Отче наш», поцеловали крест
и за крестьянином пошли в непроходимый лес...

Года, как волны по реке, торопятся, бегут,
а старый лодочник, один, сидит на берегу.
Вот, человек пришёл к реке, не зная почему.
– Я повезу тебя в музей, – сказал старик ему.
– Я всех в музей вожу с тех пор, как здесь течёт река,
и за провоз беру всего два медных пятака.
Слаб человек. В земную жизнь впервые сделав шаг,
к искусству тянется его заблудшая душа.
Еврей ли, русский ли, поляк, от века всё одно -
идёт, когда его ведут в музей,
в театр,
в кино...

Луна

На другой стороне Луны
по-другому пекут блины
и, другой рецепт полистав,
подбирают другой состав.
Словно тёплый живой кефир,
наливают в кастрюлю мир.
Хоть не крепок мир и не нов,
он – основа других блинов.

Насыпают взамен муки
по родной стороне тоски
и любви добавляют с ней,
так другие блины вкусней.
Перемешивают потом
с милосердием и добром,
обязательно нужен труд,
вместо соли его кладут.

На другой стороне Луны,
видя ночью другие сны,
на исходе другой зимы
существуем другие мы.

И с другой стороны Луны,
забираясь на валуны,
мы, другие, нам, что есть сил,
машем, топаем, голосим:

«Нам вернуться бы к нам, ребят!
Вспомнить бы про других себя
и других посмотреть бы снов,
и поесть бы других блинов...»
Только, вот беда, у Луны
не найти другой стороны.
Никогда она не видна.
Никому она не нужна.

Падают

На реке на Ялике в первый раз, наверное,
Уродились яблоки необыкновенные.
Розовая кожица с бронзовыми нитями,
Сами в миску сложатся, только руку вытяни.
Да поставь на скатерть их, наливные, сочные,
Но ворота заперты, окна заколочены.
Ни людей, ни призраков. Не видать, не слышится.
Хлопнет ветер изредка ставнем покосившимся.

А за палисадами звёздами неяркими
Падают и падают с мерным стуком яблоки.
Пропадают гордыми, гибнут обречёнными,
Превращаясь в горькие, превращаясь в чёрные.
Кто ещё не умерли, те глазами чистыми
Что-то ищут в сумерках, как-то смотрят пристально.
На реке на Ялике, отлетая душами,
Умирают яблоки никому не нужные.

Руки

Под рубашкой не носит крест
и свинины совсем не ест,
пахлава и плов – на столах,
не Христос у него – Аллах,
и не храм у него – мечеть,
и полдня до него лететь,
мы живём, проходя круги,
в разных землях, мирах других.
Мы – различны, различны с ним,
а похожи всего одним -
невзирая на сто причин
наши руки не отличить.

Наши руки, как двойники,
некрасивы, сухи, жестки,
от цемента и от воды
так шершавы и так тверды,
что, бывает, стыдишься их,
неухоженных рук мужских.

Но веками везде вокруг
миллионы таких же рук
кров, тепло, красоту, уют
сотворяют и создают.
И у них не бывает ссор,
свой язык и свой разговор,
свой закон и обычай свой,
не бывает меж ними войн,
и для них во все времена -
бог один и земля одна...

А сегодня товарищ мой
улетит в дальний путь домой.
Мы простимся обычным днём.
Просто руки пожмём.

Афанасий

Афанасий шёл по полю, торопился, в думах весь:
«Зря болтают люди, что ли, будто край у поля есть?
Будто бы – молочны реки и кисельны берега,
Будто бы – недолго ехать и недолго запрягать,
Будто – воля, конь казацкий, ладный домик и уют,
Надо только оказаться там, на самом на краю».

Через кочки, через ямы, сквозь крапиву-лебеду
Афанасий шёл упрямо и твердил: «Дойду. Дойду.
До зарезу, братцы, надо поглядеть одним глазком».
Афанасий семь раз падал, восемь – проползал ползком,
Продирался сквозь лишайник, сквозь густые ковыли,
Семь чертей ему мешали, восемь пастырей – вели,
Семь ночей – с пути сбивали, восемь звёзд – лучину жгли,
Семь смертей – одолевали, восемь жизней – берегли.

Эта русская забава – умирай да оживай.
Не налево, не направо, а вперёд, на самый край,
Шёл по полю Афанасий.
Семь на восемь. Восемь на семь...

Хорошо

Хорошо создать сюжет с поворотом,
Хорошо, когда душе есть работа,
И пока дано пожить, потрудиться,
Прорастает семя ржи и пшеницы.

Хорошо, когда поэт рифму ищет,
Хорошо наладил дед косовище,
Выйдем рано по росе и накосим
Кубометров, этак, семь или восемь.

Хорошо нарисовать образ яркий,
Хорошо найти слова, как подарки,
Словно листья в листопад, из букета
Ненаписанных баллад и сонетов.

Хорошо писать стихи, а не прозу,
Хорошо чурбак ольхи по морозу
Расколоть напополам, вдарив точно,
Разлетевшимся словам ставя точку.

Андрей Ивонин,

г. Москва, Россия

Финалист номинации «Поэзия»

Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года, лауреат «Премии симпатии членов жюри 2025 года»

Конкурсное произведение

Девяносто первый

*«Я – сын страны, которой больше нет...»
Игорь Царёв*

Я помню: год почти был на исходе,
а перемены зримы и близки.
Под мантры о бесправье и свободе,
мы свою землю рвали на куски.

Вставала ночь и сон тяжёлый длился.
Синюшный, измождённый, испитой,
в тягучей тьме печальный дух носился
над проданной, оплёванной страной.

Она сжималась, как шагреневая кожа,
кукожилась, секлась, и вместе с ней,
как оказалось, мы сжимались тоже
до среднестатистических нулей.

До ренегатов с памятью короткой.
До полной пустоты, до чёрных дыр
коммерческих ларьков с палёной водкой
в прорехах улиц, превращённых в тир.

До шантрапы известного фасона.
До формулы «такие времена».
До шлягеров попсовых и шансона,
звучащего из каждого окна.

До ветеранов, харкающих кровью,
внезапно оказавшихся на дне.
До девочек, торгующих любовью.
До мальчиков, погибших на войне.

От литературного обозревателя

В предварительном обзоре я отметил следующее:

«Гражданские стихи, с безжалостностью чёрно-белого кинематографа без лжи и без прикрас показывающие как глобальные, так и меньшие по масштабу трагические последствия распада «проданной, оплётанной страны»...

Меня эти стихи привлекают уместной в данном случае плакатной однозначностью отношения автора к известным историческим событиям».

Теперь я полагаю, что образ кинематографа не вполне точен. Перед нами скорее не кинолента, а фотоальбом, и память автора фиксирует в нём картины событий, застывших на пике своего позорного и трагического содержания. Каждая строчка текста – это фотография, содержание которой передано буквально в двух-трёх словах, но слова эти в каждом отдельном случае беспощадны, а вместе становятся обличением и приговором тем, кого считали вождями, а они оказались мерзавцами и изменниками, «под мантры о бесправье и свободе» предавшими и продававшими «оплётанную страну».

Но автор не отрицает и своей исторической вины, не пытается переложить её только на чужие плечи: «Мы свою землю рвали на куски», – говорит он, – и в этом «мы» я вижу и покаяние за прошлое, и готовность не допустить подобного в будущем.

Горькие, яростные и честные стихи, написанные в лучших традициях гражданской поэзии.

Подборка стихотворений Андрея Ивонина

* * *

Сырая, рассветная хмарь.
Весенний фальстарт.
На улице месяц январь,
а кажется – март.

И вроде бы всё на мази,
как надо, но вот
идёт по колено в грязи
служивый народ,

из тёплого дома шагнув
в подтаявший снег,
по лентам дорог, обернувшихся
руслами рек.

Застрял календарный мороз
неведомо где.
И в тоненькой куртке Христос
идёт по воде.

* * *

Всё, от мала до велика:
споры слизкие грибниц,
полевая повилика,
щебет соек и синиц,
ствол сосновый в хвойной гуще,
чуть изогнутый дугой,
череда на юг плывущих
облаков над головой,
запах скошенного хлеба,
прелых листьев вороха –
всё, от недр земных до неба, –
лишь предчувствие стиха.

Цветочный вернисаж

Цветочного базара
восторг и кутерьма.
Там розы Ренуара
уходят задарма.

Там праздные зеваки,
поднаторев в цене,
скупают оптом маки
и лилии Моне.

Пионы Хокусая,
гибискус и ирис
в букеты собирают
Уорхол и Матисс.

И словно на открытке
цветут в погожий день
Ван Гога маргаритки
и Врубеля сирень.

* * *

Вот так живёшь, не думаешь, не знаешь,
полжизни собираешь всякий хлам
и ни о чём таком и не мечтаешь,
а где-то там

всё решено: обветренные губы
студёный, влажный воздух пьют, и вот,
как медяки, начищенные трубы
трубят поход.

Звучит в ночи протяжное «По коням!»
И всадники садятся в сёдла, чтоб
небесный свод, как стяг, держа в ладонях,
пойти в галоп.

И тотчас же приходит всё в движение,
торопится, волнуется, летит.
Ты чувствуешь уже их приближение —
они в пути.

И пишутся божественные строчки
под гром копыт, под лошадиный хрип.
И тает лёд, и лопаются почки
набухших лип.

И вот тогда, неведомо откуда
пришедшее неожиданно, верь не верь,
услышишь сам, как маленькое чудо
стучится в дверь.

* * *

*«Не верю ни в бога, ни в чёрта,
Ни в благо...»*

Геннадий Шпаликов

Смотреть отстранённо на сосны вдали,
на чёрные мёрзлые комья земли
на ржавчиной тронутом поле.
Худую травинку сорвав по пути,
под тяжестью мокрого неба идти,
сердечной не чувствуя боли.

Дождю, исходящему мелкой пыльцой,
его поцелуям подставив лицо,
глядеть на стерню и дорогу.
Искать между ними причинную связь,
к иссохшей берёзе спиной прислонясь,
не веря ни в благо, ни в Бога.

* * *

Пчелиный гуд, вибрации осы,
соцветья чабреца и зверобоя —
равнины среднерусской полосы
исполнены блаженного покоя,
чьи дали не тревожит гоминид,
особенно в жару, где лишь полёвка
снует в траве, и божия коровка
на небо, как положено, летит.

Светлана Алексеева,

г. Клин Московской обл., Россия

Финалист номинации «Поэзия»

Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года

Конкурсное произведение

В Петропавловске-Камчатском полночь

*«Разлука острым взмахнёт клинком,
Разрубит тонкую связь времён...»
Игорь Царёв*

Край земли. Темно и сыро,
Время горьких интонаций.
В суете большого мира
На часах твоих – пятнадцать.
Сердце спит, а больше нечем
До небес мне достучаться,
Ворох писем не отвечен
В Петропавловске-Камчатском.

Тучи – гордые чавычи –
В океан гурьбой ныряют.
Бесприютно, непривычно
У воды ходить по краю.
Завтра кончится ненастье –
Так в прогнозах накопалось,
И откроем души настежь
Утром: я и Петропавловск.

Словно блюдечки в коробке,
Переложенные ватой,
В облаках слоистых сопки,
Горы в дымке клочковатой.
День-шаман в плаще рыбацком
Мглу развеял: солнце – в помощь!
В Петропавловске-Камчатском
Не всегда бывает полночь.

От литературного обозревателя

«Внешне очень простые стихи, но с каждым новым обращением к ним они будто углубляются, усложняются и открываются новыми деталями и смыслами.

Обращение к близкому человеку в далёком городе – задача не простая, особенно если души и города разделены часовыми поясами и временами суток: «Сердце спит, а больше нечем \\ До небес мне достучаться...» – так я сформулировал свои первые впечатления от знакомства с этими стихами.

Теперь я постараюсь несколько расширить свой анализ, хотя, признаюсь, по отношению к содержанию текста сделать это непросто. Автор будто нарочно – или действительно нарочно? – запутывает читателя ребусом мест, времён и состояний героев. Приведу пример: уже в первой строфе сказано: «Край земли. Темно и сыро», – и я понимаю, что речь идёт о петропавловской ночи. Но чуть ниже говорится, причём, безо всяких переходов: «В суете большого мира // На часах твоих – пятнадцать», – и я размышляю, кто и где находится, кто из героев на окраине мира, а кто в его центре, кто спит, а кто бодрствует, поскольку на чьих-то часах «пятнадцать», иначе, три часа дня...

Но постепенно ситуация проясняется: становится понятно, что пейзаж, в котором доминируют картины гористого и ненастного камчатского Приморья, видится глазами лирического героя, а «в суете большого мира» живёт тот, кто не отвечает на письма.

Заключительная строфа детализирована образами развеянной мглы и солнечного рассвета, и этот мажорный финал оставляет читателю надежду на лучшее будущее любовной истории, которую нужно прочесть между строк.

Подборка стихотворений Светланы Алексеевой

Двадцать седьмое июля

Течёт в Тарханах речка Марарайка,
И жизнь течёт привычным чередом:
Покошена музейная лужайка,
Покрашен в жёлтый цвет господский дом.
Нашёптывают в старом парке тени,
Что реставратор – волею судеб –
Замуровал истёртые ступени,
Спускавшиеся в лермонтовский склеп.
И больше в дату памяти поэта
Не падает с небес тяжёлый дождь,
Не ядовиты слёзы бересклета,
Не закликает ветер: «Не тревожь!»...

Но чуют камни смутную тревогу,
«Погиб поэт» – бубнит экскурсовод,
А он один выходит на дорогу
И, чуть сутулясь, мимо нас идёт.

Рюриково городище

Сентябрь слетает на кленовых перьях
В раскоп, коврами выстилая дно.
Здесь, говорят, копал когда-то Рерих,
Давным-давно.

На ржавом сите – грунта рыхлый сурик,
Скрипят настилы, с кручи даль видней.
Здесь, говорят, стоял когда-то Рюрик,
Ещё давней.

Ревёт и стонет Волхов крутолобый,
Великий Новый город впереди.
Раскопы так похожи на окопы.
Не приведи...

Пылают астры

Август. Астры в саду догорают,
В небо им не вернуться уже.
В закутке за дощатым сараем
У анчутки тоска на душе.

Шебуршится и охает жутко,
Словно боль унимает с трудом.
Извини, бесприютный анчутка,
Но тебе не положено в дом.

У тебя ни души и ни пяток –
От бесстрашия норы дурной.
Чемпион приусадебных прятков,
Ты не выйдешь проститься со мной.

Не потянутся следом, хоть тресни,
В дальний путь, как незримый обоз,
Ни твоя предосенняя песня
Ни дымок догорающих звёзд.

Фамильный камень

Верно, вывернул этот булыжник
Работящего прадеда плуг.
В верхневолжских – подзолисто-рыжих –
Почвах много таких каменюг,
Но вот к этому камню нагнуться
Был у пахаря свой интерес:
Дома киснет в бадейке капуста –
Нужен бабке увесистый пресс...

Красноватый гранитный обломок,
С виду прост, не велик и не мал –
Муж вручил мне, промолвив негромко:
«Им капусту отец прижимал...»
То прессуя квашёнку в посуде,
То в кладовку ложась на ночлег,
С нами следует камень повсюду,
Коротая свой каменный век.

Ветер времени всё разметает:
Человеков, деревья, дома.
Камень веские мысли катает,
Полагая, что он талисман,
Залощённый родными руками,
Окружённый родными людьми...

Боже, будешь разбрасывать камни –
Этот к сердцу сначала прижми!

Первомайская роща

Последний первоцвет – бессмертник первый.
Танцуй, весна, – тебя не объяснить:
Так молода безудержная сныть,
Так мимолётно распушились вербы.

В деревне к Пасхе собралась семья,
До сельского погоста недалеко –
Дойдут и старики. Потом, под вечер,
Рассядутся у дома по скамьям.

Припомнят всех, кто в памяти живой:
Петра, что не вернулся из-под Ржева,
Ирину, чьи карельские напевы
Вплелись в туманы над рекой Кавой...

В Твери поют иное: "Мир-май-труд!",
На Первомайском кладбище пустынно,

Но внуки ходят – по наказу сына.
Вот правнуки навряд ли забредут.

Густеет роща, старится гранит,
Ржавеет сталь, таблички неприметны.
Безумствуют весною первоцветы
На кладбище тверском, где дед лежит.

Звездное завтра

Тот, кто считает снег водой,
Не так уж и неправ...
Крадется месяц молодой
В полях небесных трав,
И осыпается пыльца
Неведомых светил
На старца или на мальчика,
Каким он прежде был.
И оба-два они стоят
Под небом, а потом
Внезапный звёздный снегопад
Катают в белый ком,
И убирают в чемодан,
Довлатовский почти,
Чтоб завтра по своим следам
До детства добрести.
Но завтра будет позабыт
И снег, и век, и путь.
Слеза по досточкам бежит,
Слеза по косточкам бежит,
Слеза по звёздочкам бежит,
Бежит, бежит. И пусть!

Павел Сабинский,
Минская обл., Беларусь

*Финалист номинации «Поэзия»
Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года*

Конкурсное произведение

В желтом свете любви

*«Все берёзы окрест расчесав на пробор,
Ветер трётся дворнягой о санки.
Проплывает над полем Успенский собор,
Пять веков не теряя осанки».*
Игорь Царёв, «В гостях у Северянина»

Полудохлую клячу запрягши в телегу,
Самородным «Живём!» потревожив большак,
Мы потащимся миром по хлябям и снегу,
В череде деревень, городов, колымаг.

Нас ни много, ни мало на ветхой соломе –
Половина своих да и пришлых чуток,
Все глядят на восток и на запад, кроме
Тех, кто дома оставил горшки и шесток.

Но дорога лиха – будто мяты страницы,
Буквы – камни. Глазеет народ, разношёрст,
На изменчивый профиль лихого возницы,
На просёлки в зигзагах на тысячи вёрст.

Утром каждого дня проступают потери –
Кто-то сгинул, кто умер, дорогу познав,
Вижу – тянет не кляча, а каменный мерин
Осмотрел горизонт и понёсся стремглав.

С поворота в ушах заскребло, засвистело,
Обрывая печаль поднялись в небеса
По дороге бездонной, начертанной мелом,
И рефреном в душе голоса, голоса:

«Навсегда ли?» «Навечно» «Ты веришь?» «Я верю».
Я упал и очнулся у прошлого дня.
В красном свете заря уподобилась зверю,
В жёлтом свете любви отпевали меня.

От литературного обозревателя

Предварительное впечатление:

«Очень смело задуманные и хорошо исполненные стихи, сочетающие вполне представимые детали деревенского быта с фантастическими и даже мистическими мотивами в развитии сюжета. По сути, перед нами развёрнутая в шести строфах метафора жизненного пути, на который – если я правильно понимаю финал, – герой смотрит уже как на прошлое...»

Теперь, когда читателям нужно представить более детальный анализ, я должен признаться, что сомнение в моей фразе: «Если я правильно понимаю финал...» – оно никуда не исчезло и, пожалуй, лишь усилилось. Ниже я постараюсь его обосновать.

В целом можно говорить об очень интересном замысле этих стихов, о безусловном мастерстве их исполнения и даже о таланте автора, органично соединяющем разные лексические и смысловые уровни – от просторечных «большака», «клячи», «горшка и шестка» до «небес», «горизонтов» и голосов, поющих в душе.

«Телега жизни», давно ставшая любимой и даже необходимой классикам русской поэзии, и на этот раз даёт автору возможность промчаться памятью по судьбе и различить в ней и обыденность, и мистику, позволяющую телеге подняться в небеса, а кляче стать «каменным мерином».

Все эти образы, и сложные, и более простые, в моём понимании укладываются в единую поэтическую гармонию, пока я не сталкиваюсь с зарёй, уподобленной зверю, и отпеванием героя «в жёлтом свете любви».

Что ж, автор имеет право на парадоксы, а читатель имеет право их не понять...

Но стихи очень хороши!

Подборка стихотворений Павла Сабинского

Караси

Обочина у энной из дорог, которые мостят не дураки,
Поблизости виднеется село, мосток на четвереньках у реки,
Налево, там, где вкопана скамья, в стеклянной банке стайка карасей,
Парнишка в перешитом из старья копает переборчиво червей,
Направо роща тащат на хвосте косяк озорничающих крестов,
Земля лежит ковригой в решете, щербатая покопами кротов,
Машины, пролетая, шелестят, давя у поворота миражи,
Лендровер проскочил, подал назад, вальяжно вылез полный пассажир,
Из «новых», лысоватый, не добряк, мальчишка подошёл настороже,
На что ловил и где, когда и как, проезжий был в заметном кураже,
Спустя минуты спрашивать устал, умолк, смотрел задумчиво на рыб,
В глазах повисла лёгкая тоска, рука чертила в воздухе изгиб,

Потом вздохнул и, укрывая взгляд, достал купюру, сунул пацану,
Взял карасей, пошёл, спеша, назад, шагами выбирая слабинку,
Секунду у машины постоял, с размаху бросил банку на асфальт,
Разбросок карасиный засверкал, стуча хвостами с переливом смальт,
Взревел мотор, машина унеслась, играя перебором скоростей,
Пацан напрягся, выругался всласть, собрал почти уснувших карасей,
Презрительно осколки смёл в кювет, помедлил и пошёл в село, домой,
Густое небо уводило свет за дальние стога на водопой,
Дорожный нож разрезал каравай, намазал чёрно-красную нугу,
Безмерный рот вобрал притихший рай, лишь чудилось от речки: «у-бе-гу...»

Бессмертный мальчуган на берегу протоки

Бессмертный мальчуган на берегу протоки,
В загадочности дня несущий рыбам смерть,
Стеклянный от воды, щемящий от дороги,
На паутине лет не может постареть.

Прощённый брат стрекоз, наперсник водомерок,
Укутанный в мираж воитель голавля,
Присвоивший себе свободу, время, берег,
Телесен, как вода, бессмертен, как земля.

Он снова будет юн, когда в плену былого
Пройдёшь через луга домой ли, на покос
Десяток лет спустя, и обнаружишь снова -
Бессменный мальчуган нисколько не подрос.

На зеркале воды от поплавковой дрожи
Расширятся глаза ветхозаветных волн
На бронзовый загар покрытой солнцем кожи
На проблески ракушек, на притонувший чёлн.

Заплечное село (станица, хутор, мыза),
Распятое в полях в его земном краю,
И где-то над водой удищища реприза,
И твой прибрежный мир в аду или в раю.

Дом

В блеклых зрачках ни вопросов, ни имени,
Сад сапоги облизнул лебедой,
Капало с неба, успевшего выменять
Хмурый рассвет на простор слюдяной.

К дому завита тропинка покосная,
Мох обживает косое крыльцо,
Мнётся трава, забуявшая, росная,
Младшей родни добродушно лицо:

«Марья жила тут, но померла давеча,
Дом не гнилой, основательный дом,
Да у тебя ведь душа-то не заячья,
Лучше, чем в двушке сидеть впятером».

Темные брёвна сосновые, в трещинах,
Прозелень, белым налётом смола,
Шифер в лишайниках, доски в проплешинах,
Старая женщина ростом мала.

Дверь отомкнули, мышами и плесенью
Пахло в пространстве пустого жилья,
Было покойно, смотрела невесело
В рамке настенной чужая семья.

Щупая-тыкаясь странными взглядами,
Молча прошлись по беззвучной избе,
Стенами, мебелью, печью, ухватами
Дом примерял поселенку к себе.

«Что ж, принимай, вот и будешь - хозяйюшка,
Сад есть, сарай, заведёшь огород,
Стерпится-слюбится, к лучшему, знаешь-ка,
Что по ремонту - поможет народ».

Та же кивала, смотрела потеряно,
На ощущавшийся призрачный тлен,
Что-то чужое, большое, не меряно
Жило ещё в выражениях стен.

Свет пробирался в окошки украдкою,
«Легче им станет, и выбора нет...»,
Вышли, пошли по тропинке с оглядкою,
Дом отрешённо смотрел им вослед.

Железнодорожник

Во тьме гнетущей загорится глаз, услышишь отзвук долгий и тяжёлый,
Зануют рельсы под напором масс и пронесётся вдоль перрона скорый.

За сотни вёрст у неба за щекой, под мерный стук и грохот сцепок, долго
Червяк товарняка толчёт покой в чугунной ступе проходя над Волгой.

А где-то в поле движутся огни, на встречных курсах истязая ветер,
И рядом, провидению сродни, на насыпях сигнальные жилеты.

Запомнятся грохоты сцепок,
«Овечки», «Вылы», «Теремки»,
Бессмертные всходы сурепок,

Заржавленные тупики,
Казённый диспетчера голос,
Ссобойки, вокзальный буфет,
Изогнутый рельсовый колос,
Забитый щебёнкой кювет.
Несущийся рокот вагонов,
Под поездом скачущий рельс,
Толкучка – безлюдье перронов,
Гудков затуманная трель,
Дежурки, колёсные пары,
Депо акустический гул,
Из мрака летящие фары,
Неспящий в ночи караул.
Назойливый дух креозота,
Тяжёлая лестница шпал
И злая ночная работа -
Ремонтнодорожный аврал...
Осядет безвременной данью
Бескрайних тяжёлых путей,
Покрытое потом и бранью,
Забитое в трещины дней.
Когда, вспоминая облыжно,
Устав, к полотну подойдёшь,
Почувствуешь – в тело чуть слышно
Восходит железная дрожь.

Домишко среди окрестных рож

Домишко среди окрестных рож,
Что муравей в трущобе шишек,
Невзрачен, мал, на что он гош,
Возьмёшь и пальцем отщелкнёшь в страну усатых муравьишек.

Хозяин – штопанный старик,
Небритый, высохший, колючий,
На нём грехов по воротник,
Он алкоголик и должник, но непоседливо живучий.

Он от земли возводит род,
Размерной поступью Иисуса
Проходит в сад и огород,
Его доверчивый народ – картофель, бураки, капуста.

Они живут, в своей мечте,
В преображении живого,
Они стремятся к полноте,
Упорству, свету, доброте, ведь было утреннее слово,

Когда их души-семена,
Встречались с обретённым миром,
И он давал им имена,
И плодородная луна висела христианским сыром...

Когда пришёл осенний день
За их немытыми телами,
Их бог присел на старый пенёк
И наползающую тень пытался выразить словами,

И бесконечно длился миг,
Влекомый воздухом, как хлебом,
Где воскрешаемый старик
К земле навязчиво приник, попутав с небом.

Транссибирский экспресс

Поезд линию гнёт,
транссибирский экспресс,
всё вперёд, да вперёд,
только горы, да лес,
ни тоска, ни печаль,
лишь полынь да ковыль,
да плывущая даль
и дорожная быль,
сквозь безлюдье и свет
говорит день деньской
свой привычный ответ:
«Ты такой, ты такой».

Из Европы в Сибирь
изгибается путь,
сквозь российскую ширь
и таёжную чудь,
перестуки колёс,
вереницы столбов,
то гора, то откос,
коридоры лесов,
полустанков огни,
разговоры и чай,
заплутавшие дни,
погоди, не скучай,
убаюкает мглой,
растворит в пустоте,
пронесёт над землёй,
простучит: «Мы не те».

Но характером ты,
как полынь да ковыль,

как погостов кресты,
как дорожная стынь,
и, сливаясь с тайгой,
погружаясь в туман,
обливаясь рекой,
станешь волею пьян,
станешь, словно дитя,
беспечален, как бес,
и отпустит тебя
транссибирский экспресс,
и, устало дыша,
изогнётся дугой,
повторит не спеша:
«Ты – другой, ты – другой».

Светлана Ломакина (Светлана Севрикова),
г. Москва, Россия

*Финалист номинации «Поэзия»
Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года, лауреат
«Премии симпатии членов жюри 2025 года»*

Конкурсное произведение

Не унижайтесь перед зеркалами!

*«Не верьте зеркалам, друзья!
Они кривые».
Игорь Царёв, «Зеркальный вальс»*

О, женщины, побитые годами,
Как пешками могучие ферзи...
Не унижайтесь перед зеркалами!
Не доверяй. Не бойся. Не проси!

Зачем тебе, богине волоокой,
Расспрашивать про солнце у слепца!
Стекло – как будто лёд. А лёд – жестокий
К нежнейшему созданию творца.

Лениво разлиновывает лица,
Прохладным вздохом локоны беля...
Зачем тебе, - египетской царице, -
Нужны признанья этого враля?

Зачем ты снова, словно в оправданье,
Смахнув слезу, накладываешь тушь?
Привычка достаивать вниманьем
Ловцов и продавцов бессмертных душ?

Не стой пред ним, за всё молясь и каясь.
Оно - давным-давно с ума сошло,
Деля твой век на молодость и старость,
Несчастное бессмертное стекло!

Оно тебе завидует и злится,
Корит судьбу и ропщет на творца,
Что нет у отражающего лица
Ни совести, ни сердца, ни лица.

От литературного обозревателя

На предыдущей стадии обзора было отмечено, что «образ зеркала необыкновенно плодотворен в мировой литературе. Он используется в самых разных сюжетах, с самыми разными посылами и целями. Но в этом стихотворении автор находит неожиданный аспект этого образа – образа «бессовестного», «бессердечного», «бессмертного» и всё же «несчастливого» зеркала, которому не под силу отразить (и выразить!) прекрасную суть и внешность женщины, не зависящую от любого её возраста...»

Вероятно, стоит не то чтобы углубить эти положения, но рассмотреть их более детально с точки зрения противостояния двух образов: женщины – живой и прекрасной, и зеркала – мёртвого и холодного.

Уже в этой краткой характеристике понятно, что в сюжете возникают два центра, отношение автора к которым полностью полярно. Некоторые эпитеты, подтверждающие такое отношение, уже были приведены выше, но идея стихотворения более сложна: автор говорит об ущербности и бездуховности оценки женщины – «нежнейшего создания творца» – исключительно с внешней стороны. Да, красота важна и существенна, но бесконечно важнее внутренняя гармония, которая не может быть воспринята и отражена бесстрастным глазом «жестокоего» враля.

Отражение – это всего лишь отражение в зеркале. Но понимание сущности доступно только человеку, ибо только человеку доступна любовь.

Подборка стихотворений Светланы Ломакиной

Волнорез

Море волнуется, море беснуется,
Воды созвездья смыывают с небес!
Мечутся чайки как мокрые курицы...
Рушатся скалы...
Но ты – волнорез.

Не заклинатель стихий разгулявшихся,
Но роковые удары - смягчал, -
Ангел-хранитель, штормам не поддавшийся,
Оберегающий тихий причал...

Крепкий как воин и кроткий как женщина...
(Что ещё можно сказать про любовь!)...
Лупит наотмашь судьба сумасшедшая...
Зло побеждает...
Но ты – волнолом!

Смысл твоей жизни, - по капле, по ложечке,
Вычерпать ярость... Терпи и держись!
Там, у причала, – колышутся лодочки,
И продолжается мирная жизнь.

Коломбина

Коломбина... в маске огуречной...
По ночам ведёт неравный бой
С Хроносом... Была бы юность вечной –
Вечною была бы и любовь.

Ей идут серебряные серьги,
Ей к лицу серебряная прядь...
Ей нужны серебряные нервы –
Дар судьбы серебряный принять.

Торжество бесстыдной правды голой
В серебристом отсвете зеркал.
Слабым полом и прекрасным полом
Кто-то свысока ее назвал.

Но она не сдаст годам без боя
Вечные свои семнадцать лет.
Умирать в трамвае будет стоя,
Пряча пенсионный свой билет.

Женщина... Мгновенная снегурка –
Над костром сгорает на лету...
Серебристым скальпелем хирурга
Мир её спасает красоту...

То не бес, парящий в диком танце!
Смех и слёзы – участь Коломбин:
До небес – костров протуберанцы.
Ведьму жгут в огне её седин...

Стареющая женщина

Опять бульвары листьями заносит,
И небо ненадёжно и серо.
Стареющая женщина и осень
Задумчиво спускаются в метро.

Они теперь тесны и неразлучны.
Родные сёстры. Неразлейвода.
Им вместе никогда не будет скучно.
И весело не будет никогда.

Тайком грустят о промелькнувшем лете
И делятся теплом озябших душ
Со всеми, за кого они в ответе,
И с небом, отражённым в мути луж.

Теплом, надеждой, силою и верой
В далёкую грядущую весну,
Которая изменит эту серость...
И правду обнажит... и выдаст суть...

И простодушны... И простоволосы...
Какими были в восемнадцать лет
Стареющая женщина и осень...
И город... И страна... И целый свет...

Пора бы им, отчаянным, признаться,
Что впереди лишь бездна и покой!..
Но снова парки красками искрятся.
И путь до бездны – словно золотой...

Париж

А города такого не прощают.
С тех пор как ты уехал из Парижа,
Всю жизнь его любить не обещая, –
Он чуть не умер, но чудесно выжил.

Он замер и стоял, пришпилив небо
К своей больной душе булавкой башни,
У голубей выпрашивая хлеба,
И света у недолгих дней вчерашних.

Понять не мог. А понимая – падал...
Горел и рассыпался горкой пазлов...
Ну, как ты мог, пока вы были рядом,
Не догадаться, как же он опасен!

Как много пережил! Какие тайны
Хранит, какую боль, какие думы!
Какие незакрытые гештальты –
Его Монмартры, Нотр-Дам и Лувры!

Каким он оглушал Европу громом..
Когда жестоко строил баррикады.
Как мог ты не понять, что он огромен,
Окинув это всё спокойным взглядом?!

Им восхитясь, как женщина – бирюлькой,
Уехал, даже снов не взяв на память?!
Париж тебя не любит, не ревнует,
Он о тебя споткнулся, как о камень.

Он поражён тобою, как чумою.
Ты для него – нарыв, инфаркт и грыжа.
Он думает, что он тебя не стоит.
Но это ты не разглядел Парижа.

Дурацкая боль

Как положено перед боем: упоительна тишина.
Ты умрёшь от дурацкой боли. Даже если твоя война –
Шутка, вымысел, бред, горячка, апокалипсис, блицкриг, пшик, –
Ты пощады не станешь клянчить, потому что ты – не мужик.

Потому что ты баба. Баба! Королева, богиня, но
Презираешь тупых и слабых – гниль и плесень, дерьмо и дно.
Безмятежных приспособленцев: сопли, слюни, смиренный взор, -
Молча строят Гулаг, Освенцим, и не ведают свой позор.

Не заноешь и не застонешь. Потому что не могут так
Аэлита. Ассоль. Мадонна. Беатриче и Жанна д'Арк.
Ну и что, что один не воин. Наплевать, что кругом враги!
Прежде, чем подышать от боли, – улыбайся, свети и жги.

Беспощадно, неосторожно, словно вправду сошла с ума,
Жги бессовестных, хитрых, пошлых. Даже если твоя война –

Битва с вечными ветряками, и никто тебя не поймёт.
Мона Лиза и Донна Анна. Дульсинея и Дон Кихот.

Стиснешь зубы, глаза прищуришь. Всё в порядке. Олрайт. Окей.
Потому что ты баба. Дура. То есть, всех дураков сильнее.
Духом. Сердцем. Надеждой. Волей...
В общем, хрупкая как хрусталь,
И умрёшь от дурацкой боли,
Что тебя никому не жаль.

Теперь ты море

Проснёшься - и смотришь, смотришь тревожно в гору...
Вглядишься - и видишь, видишь иную жизнь.
Тебе – глубоко за сорок. Теперь ты – море.
Седое... Как проблеск тайны под кровом риз...

Ты – море... И ты не можешь наполовину...
Не знаешь и знать не хочешь своих границ...
Играют с луной и солнцем твои дельфины
А чайки взлетают выше всех прочих птиц...

И неба тебе не надо – морские зори
Не хуже, чем те, что сводят людей с ума...
На свете - есть люди-горы и люди-норы...
Ты – тоже одна из этих... Всегда одна.

Не надо... Не извиняйся... Ни кнут, ни пряник
Не властны над гордой силой твоих стихий...
Мерцает в крошечном мраке ночной Титаник...
А морю - какое дело до той трухи?

А морю – не всё равно ли? Не всё ль едино?
Он тоже сказал бы так же, когда бы мог
Стать морем... Крошащим камни... Топящим льдины...
Ты – море... Не всё равно ли у чьих ты ног?

Ты - буря... Не всё равно ли, какие флаги...
Ты – вечность. Не всё равно ли, в каком году...
Ты – совесть... Перед тобою все люди наги...
За сорок...
Теперь ты море!
Имей в виду...

Юрий Макашев,

г. Барнаул, Россия

Финалист номинации «Поэзия»

Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года, лауреат «Премии симпатии членов жюри 2025 года»

Конкурсное произведение

Это я, Эльвира

*«Меняются на сцене лица,
Приходят новые века.
Урок истории все длится,
Но перемены нет пока.
Былое солнце в окна светит,
Сердца стучат все злей и злей –
Немых отцов глухие дети
Не слышат слов учителей...»*

Игорь Царёв

Маме

Сорок первый. Вверх дном наш сегодняшний дом.
Средь узлов и солом не спасает буржуйка.
На разъезде, в степи, слышно тем, кто не спит,
Как вздыхает вдали задушевная шуйка*

И поёт о войне. В этот раз – на беду.
Жаль, что это не сон и не пьеса Шекспира.
Наяву, не в бреду, нас везут в Кулунду
Из Донецка. Извне. На окраину мира.

Застревает в проёмах вагонных глазниц
Лунный свет. Тонут звезды в полуночной сини
Над молчанием птиц, над дымками станиц,
Над губой, где по стёжкам бродила Аксинья,
Над равниной бескрайнею, над Иртышом,
Над железнодорожною веткой Турксиба...
Нас везут на Восток. Почитай, нагишом.
От сумы. От тюрьмы. От расправ-перегибов.

В вещмешках – сухари и Le Roi a Paris**.
На тропе ледяной от перрона к сортиру
Крошек ждут сизари. Разрешают курить
После всех перекличек махру конвоиры.
Ну, встречай, Кулунда.
Это я, Эльвира.

**шуйка – шуйская гармонь.*

***Le Roi a Paris – настенные часы с боем.*

От литературного обозревателя

Предварительное впечатление было выражено следующим образом:

«Четырёхстопный анапест чаще используется для передачи событий протяжённых и спокойных. Но описание эвакуации людей в трагическом 41-м году из районов, которые могут быть захвачены немцами, – такие стихи «спокойными» не назовёшь. Эшелон, идущий на восток, теплушка, где теснятся люди, плохо представляющие финал своего долгого и трудного пути, – эта тяжёлая, тяготеющая к трагизму коннотация текста здесь контрастна мерному ритму повествования и усиливает его эмоциональное воздействие на читателя».

Вновь обращаясь к этим стихам, их интересно сопоставить с текстом, стоящим выше, и сравнить два подхода к изображению людей, столкнувшихся с войной.

Здесь нет высоких аллегорий и обобщённой символики. Всё обстоит совершенно иначе. В образах стихотворения подчёркивается атмосфера неблагополучия: «Нас везут в Кулунду // Из Донецка. Извне. На окраину мира». Далее эти мотивы усугубляются: «Нас везут на Восток. Почитай, нагишом. // От сумы. От тюрьмы. От расправ-перегибов...»

Читателям стоит обратить внимание на упоминание о конвоирах, на рефрен: «Нас везут...», в котором мне видится стремление автора указать на подчинённость людей не только тяжёлым обстоятельствам, но и чьей-то чужой воле. И даже упоминание о «задушевной шуйке» не отменяет мрачной атмосферы этих стихов.

И если автор старался передать читателю именно такие настроения, то он своей цели достиг.

Подборка стихотворений Юрия Макашева

Штандер

Догорали летние деньки
На Илью-пророка.
Бог лепил на облаке снежки
Про запас, до срока.

Иногда заглядывался вниз.
Где-то там мальчишки
Отзывались турманом на свист.
Расставляя фишки,
Рисовал водящий ровный круг
Рваным сандалетом.
И взлетал, предчувствуя игру,
Мячик над планетой.

Растворялись в уличной пыли
Радостные лица.
Бог мечтал: – Вот мне бы до Земли,
И остановиться...

Пацаны кричали: – Штандер-стоп!
Падал в небо мячик.
А Ему казалось: – Штандер, Бог...
И никак иначе.

Сонное

В полудрёме, сладкой и бесслёзной,
Снится мальчик с кошкой по ночам
И зовёт на квадроцикле звёздном
Покататься с ним по облакам.

Вроде бы в пустой квартире утром
Всё в порядке – завтрак и костюм.
Только мальчик с кошкой почему-то
Покидать не хочет наших дум.

В чёрном кофе тает белый сахар.
Еле тлеет времени бычок.
Кошка в пятнах крови – вот неряха –
Повернулась где-то на бочок.

Спит и знает, почему дороже
Жизни настоящее тепло.
Этот мальчик ей приснится тоже
Всем смертям и горестям назло.

Крутится-вертится шар голубой

Полночь. Свистит на лету чёрный стриж.
Знаешь, мне больше не снится Париж.
Шанз-Элизе, Тюильри и Шанель –
Всё это так далеко... Параллель –
Лишь на бумаге. Стихи ни о чём
Пахнут усталостью и... ноябрём.
Из одуванчиков зреет вино,
А журавли Мурадели Вано
Скрылись до срока в сплошной синеве.
Листья да ноты в траве-мураве
Вяжет узором седая тесьма.
Хочешь не хочешь, а завтра – зима.
Веришь-не-веришь, но вместе с тобой
Крутится-вертится шар голубой.

Там, где счастье

Знаешь, там, где счастье,
не бывает вспышек.
Там всё просто – дышишь
ты или не дышишь.

Там неважно – вечно
или преходяще.
Там ты человеческий.
То есть настоящий.

Кордон

*«почему за окном и на сердце полярный лёд
и трамвай альтаир бетельгейзе в депо идёт»
Александр Оберемок*

В старенькой «семёрке» (из депо)
Я читаю «Тамерлана» По. Рельсы к шпалам
Тянутся, как паузы к словам.
Выхожу от храма Покрова в двух кварталах.

День на редкость облачен и хмур.
Тонет позолоченный ажур в зябкой дымке.
Где-то сверху, в царстве летаргий,
И мои услышаны шаги по зазимку.

Врос терновник в кованный забор.
Сквозь чугун доносит детский хор гамму терций.
Кажется, нет дела никому,
Для чего, зачем и почему стынет сердце.

Спит Распятский скит на Соловках,
Молит о безмолвии монах в Гранд-Шартрезе,
Я прошу у первой из Мадонн:
Пусть трамвай свернёт не на Кордон* –
К Бетельгейзе.

**Кордон – конечная остановка трамвая рядом с онкологической клиникой.*

Мамино платье

Сегодня гости. Будет здорово.
Но перед этим – бал с примерками,
Где мама кружится с обновою
Под блеск трехстворчатого зеркала,

Цепляет брошь застёжкой аленькой,
Готовит ящик с грампластинками,
И расставляет (в мыслях) валенки —
Всё, как обычно, с вечеринками...

Клеёнка синими узорами
Обнимет стол. И под «Столичную»
Польются шутки с разговорами
Про жизнь неспрятанную личную,
Про песни старые, желанные
С мотивом нежным и неджазовым...
Устанут кнопочки баянные
О чем-то жалобном рассказывать.
Вздыхнут и смолкнут поздним вечером...
Чуть заблудившийся во времени,
Усну на лавке, незамеченный,
Зато счастливый. И уверенный,

Что кто-то бережно дотронется
До бус на платье крепдешиновом.
И так красиво, на' два голоса,
Споёт негромко «Черемшину» мне.

Ида Лабен (Ирина Полонская),
г. Ростов-на-Дону, Россия

*Финалист номинации «Поэзия»
Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года, лауреат
«Премии симпатии членов жюри 2025 г.»*

Конкурсное произведение

Центральный холм. Зима

*«Я вернусь, я еще непременно вернусь,
Пусть, хотя бы, и выпавшим снегом».
Игорь Царёв, «В гостях у Северянина»*

Уже черны на Городском холме
Штрихи деревьев — все идет к зиме.
А сквозь штрихи белеет Третья школа
Пятном муки чистейшего помола.
Тотлебен — с поседевшей головой:
Нежданный снег упал на бронзу с неба.
А там, на горизонте, где синело,
Уже простилось море с синевой.

Твоя зима пройдет без белизны,
Ну, разве ненароком снег сорвется,
Как в эту ночь, а так сухим колодцем
Ты прстоишь под ветром до весны.
По опустевшим улицам холма
Погонит он в тоске стручки и листья.
Лишь иногда окрасит их зима,
Случайно прикоснувшись белой кистью.
Когда внизу поднимет шторм волну
И захлестнет безлюдье сонных пляжей,
И, криком разрезая тишину,
Взовьется чаек бдительная стража,
Пустынный холм все так же будет спать
Под музыку немного разговора -
Сквозь вечность, тишину ее и гладь -
Великих адмиралов и Собора.
Кто не родился здесь, тот не поймет.
А тот, кто выпал из гнезда незрелым,
Вернется мыслью. Скоро Новый год
Опять.
Тотлебен припорошен белым.

От литературного обозревателя

Уже в предварительном обзоре были отмечены существенные стороны этих стихов: «Бронзовый памятник Тотлебену, герою Крымской войны, Городской холм, Собор, где покоятся «великие адмиралы» – этот город, по которому в предновогодье идёт лирический герой, узнаваем и одновременно превращён автором в мастерски исполненную музыкальную и живописную симфонию. Ландшафт вобрал в себя здания, памятники, штормовой берег. Он щедро расцвечен автором: здесь чёрные «штрихи деревьев», «море с синевой», «белая кисть» зимы. А ещё он и озвучен криком чаек, музыкой «немного разговора», тишиной вечности. Это Город. И это его поэтическая ипостась. Спасибо автору».

Пора произнести название города: это Севастополь, город русской славы, названный так после уже далёкой Крымской войны, город-герой, заслуживший это звание в годы Великой Отечественной войны, город – полагаю, что сейчас это уже не секрет, – защитивший русский Крым от агрессии и безумия в 2014 году... И то, что автор выбрал такую тему для стихотворения, поданного на Конкурс имени Игоря Царёва, является фактом значимым и показательным.

Вместе с тем, важно отметить, что по формальным признакам этот текст сложно отнести к гражданской поэзии. Прежде всего это глубоко личностная лирика. В ней нет героизации, нет плакатности. Но и в стихах Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» тоже ведь нет этих качеств. И, значит,

не всегда только форма определяет специфику жанра. Очевидно, следует соотнести тему стихов со временем обращения к ней автора – и лишь тогда становится понятным их звучание.

Наверное, это и называется современностью литературы.

Подборка стихотворений Иды Лабен

Херсонесский МОСТ

Помнишь, там был Херсонесский мост –
Холод сквозных перил?
Прошрое тянет за мною хвост
Памяти, лет, могил.

Тяжестью тянет, и неспроста,
Гонит к родным местам.
Нет, я не помню того моста.
Он меня помнит сам.

Хоть я тогда и не родилась,
В сутолоке времен
Есть между нами тайная связь -
Не отпускает он.

Стынет под взглядом печальных звезд
В вечности ледяной
Тот довоенный разбитый мост,
Мост между мной – и мной.

Межсезонье

О, мне бы туда, в межсезонье,
В провал облетевших аллей!
Пройтись бы голодной ладонью
По ржавым крестам якорей.

Увидеть с бульвара, где пусто -
Один под зонтом пешеход, –
Как вниз по мощеному спуску
Промокший троллейбус ползет,

Как в лужу с усталой софоры
Стручки, рассыпаясь, летят,

Как тускло мерцают Бомборы
Окошками кривеньких хат.
О, мне бы на стылую площадь –
Я помню как будто вчера,
Как ветер платаны полощет,
Как горько гудят катера,

Как, воплям суденышек вторя,
Вздыхает от их кутерьмы
И ждет нелюдимое море
Своей одинокой зимы.

Шагом печальным и величавым...

Шагом печальным и величавым
Гендель ведет сквозь сорные травы,
колокол бьет голосом медным –
Гендель ведет поступью мерной.
У сарабанды привкус фатальный,
медь переплавлена в серую сталь, но,
сталь обвивая музыкой гибкой,
плачем вступает тихая скрипка.
Скрипка заката, скрипка печали,
выше зовет она, словно в начале
жизни и света, смысл обещая,
и тянется дальше нота – до края.
Или, вступая в сценарии бала,
скрипка, ты всё-таки опоздала,
и нам остается только оплакать
этот проём опустелого знака,
этот сквозняк на исходе эпохи:
медные капли, скрипичные вздохи,
огненным папоротником агоний -
сердце на обожженной ладони,
над лабиринтом оплавленных вен, где
болью смычковой властвует Гендель,
прежде чем в складках скомканной ткани
засеребрится иней молчанья.

Братское

Лежащее по ту сторону
незамерзающих вод,
где сосны – тихие, черные –
и пирамидальный свод
часовни вдали над пустошью
отовсюду видны
и суетой не глушатся
выдохи той войны.

Потрепанные надгробия,
кириллицыны рубцы.
Тут все чины и сословия -
смиранные храбрецы.
Курган с забытыми тайнами —
их вечный несданный фронт —
глазами бойниц печальными
смотрит на горизонт.
В бою стояли как братья —
так и сошли в Аид
Непобежденной ратью
под россыпь крестов и плит.

Пятый бастион

Серый камень в каплях кровавых —
Льется, льется дикий виноград:
Как подтеки крови, у стены
Красные трилистники висят.
Осени багровая канва
Память обрамляет, а вдали,
К горизонту, видимы едва,
В ярком море тают корабли.

Серый камень, кружево оград, —
Вяжет память терпкий узелок.
Льется кровью дикий виноград,
Словно мякоть времени и сок,
Капая, сгущаются в настой,
В вековой венозно-темный сплав
Алых революций, бурых войн.
Кап-кап-кап, — стучит везде, — кап-кап!

С этим звуком свыкся бастион,
Проникая ночью, как в ответ
Издаст земля железный стон
Там, где проступил багровый след.
Но из века в век, из года в год
След кровит — стереть его нельзя!
Дикий виноград ползет, ползет
Вдаль — кровотокающая лоза.

Пилигрим

*«Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима...»
(У. Шекспир, пер. с англ. С.Я. Маршака)*

Мой календарь еще не перелистан —
Сон мне не зря обещал,

Что возвращусь я на Графскую пристань,
Старый дощатый причал.
Портик сквозит колоннадой граненой,
Бьется о сваи вода.
По неизвестным вселенским законам
Дух мой приписан сюда
И возвратится тропой пилигримов
Тысячи, тысячи раз!
Млечный прожектор, бессменный Нахимов,
Город, где я родилась,
Площадь, а рядом шумит неустанно,
Горе смывая, прибой,
Листья резные теряя, платаны
Шепчутся между собой,
Тени фонарные движутся ломко,
И, пробираясь по ним,
Плечи ссутулив под ветхой котомкой,
Молча бредет пилигрим.

Виктория Соколовская,
г. Полоцк, Беларусь

*Финалист номинации «Поэзия»
Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2025 года*

Конкурсное произведение

* * *

*«А как иначе угодить душе,
Когда зима – не просто время года,
А в дебрях генетического кода
Невыводимый штамп о ПМЖ...»
Игорь Царёв*

И там, где город вымерила стужа,
и там, где вьюга выбрила дворы,
вчера играли дети, их игры
зима не нарушала до поры,
морщины улиц ветренно утюжа.

Спивался дворник с ловкостью факира.
Сливалось небо с бледностью реки.
И вдоль аллей ласкали «мотыльки»
бутоны фонарей, и так легки

мне были и печаль, и бренность мира.
Сегодня всё не так, но не об этом
молчит строка, застигнута врасплох,
и сбился карандаш, и почерк плох,
и выдохи не множатся на вдох...
и лишь душа светла вчерашним светом.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

«Небольшое по объёму стихотворение представляет собой городской пейзаж, и этот пейзаж буквально перегружен ностальгией героини по «вчерашнему свету», наполнен ощущением печали и бренности мира.

Нужно признать, что в стремлении передать своё восприятие мира и своё состояние автор использует весьма разнообразные художественные средства. Так, например, мир, город, ландшафт в двух ипостасях: «вчера» и «сегодня». Вчера играли дети, вчера горели фонари, вчера даже печаль лирической героини была легка! А вот сегодня «всё не так»: сегодня стужа, вьюга, пустые дворы...»

А теперь я должен сознаться, что в недавнем кратком обзоре этих стихов я был не прав, когда написал, что автор не объяснил, в чём же всё-таки причина его печалей... Причина, как мне кажется, есть! – и причина эта понятна всем, кто имеет отношение к творчеству. «Не пишется!» – вот эта причина. Автор говорит об этом так: «Молчит строка, застигнута врасплох, // и сбился карандаш, и почерк плох...». Впрочем, возможно, я ошибаюсь и сейчас, пытаюсь понять эти красивые, но, как оказалось, очень непростые стихи.

Подборка стихотворений Виктории Соколовской

* * *

И стол накрыт, и лампа над столом,
и мягкий свет ложится мне на плечи.
И не унять пропитанной теплом
приятной речи.

Почти закончен безмятежный день,
такие дни необычайно редки.
Я наблюдаю, как ложится тень
на край салфетки.
И тот, кто рядом, говорлив и мил,
в нём нет почти ни одного изъяна.
И кажется, мне завтра хватит сил

проснуться рано.

За окнами темно, и нет дождя –
я о дожде тревожилась напрасно,
и тот, кто рядом, скажет, уходя,
что я прекрасна.

* * *

Три четверти апельсина
растаяли в небе белом,
и тени легли картинно
на сердце, большом и целом.

Дорога вплеталась в реку,
вилась, становясь пологой.
Я верила человеку,
ведущему той дорогой.

Мы вместе смотрелись в небо
и не отражали боли,
и было светло и немо
от этой безмерной воли.

И мне ещё будет сниться,
как ширилась высь над нами
и долго кружили птицы
над ясными куполами.

* * *

Было ниспослано: небо, земля и колос –
ветры колышут солнце на стебле тонком,
ласковы взгляд отцовский и мамин голос –
славное время, чтобы побыть ребёнком.

Было начертано: линии на ладони –
карта дорог, большого пути предтеча,
памяти нити, чтобы понять на склоне
лет, от чего бежалось беде навстречу.

Было даровано: слово, руки скольжение,
белая гладь бумаги, перо, чернила,
шёпот, а в песнях родины – *шапаценне*...
Нам искони даровано счастье было.

* * *

На небе, за облаком белым,
огромным, как Божий матрас,
все заняты праведным делом
и любят без тайн и прикрас.

Идут по небесным дорогам,
покойны, смиренны, тихи,
и лично беседуют с Богом,
и Бог им прощает грехи.

Там столько небесного света,
что нет ни тумана, ни мглы.
И каждая встреча продета
в ушко золотистой иглы.

Там краски и запахи поля,
и леса, и моря – как здесь,
но только – бескрайняя воля!
Но только спокойствие есть.

Там лебедь взбегает по глади
озёрной – к своим небесам.
Там мамина мама погладит
меня по седым волосам...

Я это доподлинно знаю,
поэтому кротко, без слов
всё чаще глаза поднимаю
к святой белизне облаков.

* * *

Маленьких просят молиться молча.
Они стараются всякий раз,
Они закрывают влажные очи,
Почти задыхаясь в шёпоте фраз.

Им так же тесно в молчанье мнимом,
Как мне, когда на исходе дня
В дыханье неровном, бедой томимом,
Стихи вырываются из меня.

* * *

Кружится снег, как в сказке, как в кино,
как будто волю снам дала природа,
как раньше, в детстве – так давным-давно,
что даже близко не припомнить года.

Гляжу в окно – и с места не сойти –
и в снежный шёпот вслушиваюсь чутко.
Метель хоронит старые пути,
чтоб новый след пустить по первопутку.

Весь город бел на грани волшебства,
а снег кружит безудержно, как птица,
на языке моём вертя слова,
которым ввек не суждено родиться.

Но в этом действе столько красоты,
что я впервые не ищу созвучий
и покоряюсь силе немоты,
безжалостно-прекрасной и певучей.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ» (полуфинал)

Татьяна Воронова,
г. Воронеж, Россия

Конкурсное произведение

Селфи

*«Колесят караваны экскурсий
По тернистым дорогам Христа –
Чтобы позже за чашечкой кофе
Рассуждать о судьбе и Голгофе...»
Игорь Царёв. «Мои Палестины»*

Может, оно и нелепо,
Только поймётся потом:
Селфи на фоне вертепа
С новорождённым Христом

Вскоре затмит, будь уверен,
Главные новости дня.
«Катя, пошли!» – «Ну Вале-ера!
Ты теперь сфоткай меня!»

В сонные глядя квартиры,
Утро идёт по дворам.
(Да, говорят, будто Ирод
Тоже завёл Инстаграм.)

Тут старине Персевалю
Впору курить в уголке:
Селфи на фоне Грааля...
Селфи с Граалем в руке...

Селфи на фоне Рахили
В скорби по детям её...
Всё, что могли, – получили
(Так, что не видно краёв):

Запах горячего кофе...
Фото чьего-то кота...
Селфи на фоне Голгофы...
Селфи на фоне креста...

Подборка стихотворений Татьяны Вороновой

* * *

Когда бурдюк последний выпит
И солнце – бритвой по глазам...
– Обратно двигаем! В Египет!
– Там были хлеб и колбаса!

Я не знаток пустой породы –
Попробуй сам её отсей.
– Какая к лешему свобода!
– Пошли в Египет, Моисей!

Мы не сомкнулись крепким строем
(Кто хочет, может погрузить) –
Вот так мещане и герои
Всегда расходятся в пути

На рукава, потоки, группы...
(Любое выбери из слов.)
Бог знает, что умно, что глупо,
Кому лежать в пустыне трупом,
Кому – давиться жидким супом
В дыму египетских котлов...

Дракон

...Дракон зашевелился на восходе
и, кажется, уже готов к работе.
Протянуты к нему десятки рук
угодливых и вышколенных слуг:

вот, надрываясь, тащат бычью тушу –
пожалуйста сожрать... пардон, откусать,
вот винный чан – величиной под стать...
Но – наступает время вылетать.

Через минуту – города и веси
падут напрасной жертвой чьей-то спеси,
а сколько хижин будет сожжено, –
дракону, если честно, всё равно.

Дракон – он чей-то выкормыш всего лишь,
и если выйдет из хозяйской воли,
то господин спокоен и тогда:
драконом больше, меньше – не беда...

* * *

Небо изрезано на круги,
Клёкот разносят дали.
Кто-то пойдет – впереди других...
Мой командир, – не я ли?

Словно десятком златых ножей
Утренний воздух вспорот.
Не убеждай: я и сам уже,
Мой командир, – не спорю.

В мёртвом собрании – сплошь свои,
Павшие – не краснеют...
Единоборщики – были и
Будут – меня сильнее.

Вдоль по гортани опять взбежал
Страх – леденящей рвотой...
... Так, поднимаясь, росла душа
Твердью среди болота.

Беспокойная кровь

Слегка откинув голову назад,
Он вглядывался в медленный закат
Задумчивыми узкими глазами.

Казалось, не минуты, а века
Лиловые подтёки-облака
На розовое пламя наплзали.

И смутно отдавалась в голове
Пульсация небесных сизых вен
(А воздух не по-вешнему суровел,
Достигнув грани вечера и дня).
Ленивым шагом он пустил коня -
И слушал голос беспокойной крови:

Той, что под кожей у него текла,
Что поднимала, мучила, звала,
Как трубный стон зовет на битву рати, -
Той крови, что в последний смутный час
На эту землю щедро пролилась -
Чтоб горизонт окрасить на закате.

...Он спешился. Загустевала тьма.
Спешила ночь подать ему сама
Тепло костра и кислый привкус хлеба.
Он ощущал (так дети видят сны)
И земляные запахи весны,
И под своей ладонью – прочность неба.

Ирина Савченко,
Минск, Беларусь

Конкурсное произведение

Лето

*«Хорошо, забыв о вьюгах,
Окунуться в летний зной...»
Игорь Царёв*

Рыжий пляж. Морская пена.
Тени тонкий лоскуток.
Нега ласкового плена.
Обжигающий песок.

Синь небесного хитона
На плечах ленивых гор.
Бриз и сладкая истома.
Малахольный птичий спор.

Чья-то сонная улыбка.
Соль на бронзовой щеке.
Горизонт качает зыбко
Мысли в старом гамаке.

В знойный берег прячет волны
Расплескавшийся залив.
День, задумчивости полный,
Нежен и нетороплив.

Распростёртый, как медуза,
Возлежит морской простор.
Тает в мякоти арбуза
Безмятежный разговор.

Пьём покорно и неспешно
Лето, словно крепкий грог,
Так, как будто жизнь – безбрежна.
Так, как будто вечен срок...

Подборка стихотворений Ирины Савченко

Пока не коснулась сердца печаль

Чуть слышно признанья шептал камыш.
Июль трепетал листвою.
Пугливо на мягкую темень крыш
Ложился туман густой.

К блуждающим звёздам сквозь толщу лет
Протягивал руки лес.
Божественной сути лучился свет
За пазухой у небес.

И черпал блаженство небесный ковш,
Чтоб жажду унять нам вновь.
Бежала по телу хмельная дрожь –
По венам текла любовь.

Качалась земля, ликовала ночь,
Вращался калейдоскоп!
Сердца повторяли во тьме точь-в-точь
Неистовый ритм синкоп...

И ты засыпал, и хранила я
Безоблачных снов тепло.
А лунный опал, наш секрет тая,
Смотрелся в озёр стекло.

Просила я: «К жизни моей причаль
И вечность пообещай!»
Пока не коснулась сердец печаль
И горестное «прощай»...

На дорогах грусти

На дорогах, пропитанных грустью дождей,
Солью трудных шагов и извечной разлуки,
Стынет ржавое золото скошенных дней
Под берёзовой голью, в мольбах простирающей руки.

Ты, овеянный ветром и вольной зарёй,
Точкой немо замрёшь у подножия неба.
Жизнь укроется вязкой осенней хандрой
И ссутулит тебя под невидимым грузом нелепо.

Потеряв где-то счастье своё на бегу
В непростой кутерьме бесконечных скитаний,
Затоскуешь один на чужом берегу
По теплу, земляничным полянам и звёздочкам ранним.

Разом бросишься к гаваням отчей земли,
Но сощурятся окон пустые глазницы.
Старый колокол вымолвит что-то вдали...
Ты поймёшь – опоздал: больше не к кому там возвратиться.

Мимо прошлого

По жизни пасмурной брела несмело я,
Но лучик солнечный пробился вдруг,
И в сердце стылое теплом повеяло –
Из далей прошлого, где нет разлук,

Где детство светлое и босоногое
Не знает горечи больших потерь,
И в лето звонкое ведёт дорога, и
Всегда распахнута для счастья дверь.

И я с веснушками – в коротком платьице,
Там мама – счастлива, и папа – жив.
А солнце мячиком по небу катится,
И мы над пропастью бежим во ржи.

Ах, как же хочется вернуться в прошлое!
Иль заглянуть туда одним глазком.
Но вы же знаете, мои хорошие,
Что не получится... И в горле ком.

Года уносятся, как ветры шалые,
И души мечутся на сквозняках.
Дома – холодные и обветшалые.
А память инеем легла в висках.

Мои любимые, что сердцу дороги,
Уйти торопятся в немой покой...
Я в небо зыбкое смотрю – вдруг всё-таки
Оттуда прошлое махнёт рукой?

В краю ромашкового детства

Дрожит рассвет на лапках ели,
В полутона окрасив мысли.
На горизонта коромысле
День встал под тихие свирели,
И рожки месяца повисли

В ветвях. В зеркальный мир озёрный
Барашки сонные глядятся
С высот небесного матраца.
И рвётся в рост камыш упорный
И к жизни – с нового абзаца.

Укрыв мечты в тростник янтарный
На берегу глухого плёса,
Рыбак клюёт устало носом,
И мостик, словно гриф гитарный,
Колышет сны его без спроса.

По гладким спинам изумрудным
Полей, раскинувшихся вольно,
Звон льётся тихий колокольный
С зарёю пряной, полногрудой –
Под сень берёзки белоствольной.

Весь мир – и суетный, и грешный –
С тобой привстанет на коленца,
Чтоб с благодатью Божьей в сердце
К родной земле прижаться нежно
В краю ромашкового детства.

Сергей Востриков,
г. Воронеж, Россия

Конкурсное произведение

А если вдруг за горизонтом ничего

«Но ты меня не покидай, моя любимая!»
Игорь Царёв, «Не покидай меня»

А если вдруг за горизонтом ничего
ни вечной жизни, ни перерождения?
Я заново придумаю его -
весь этот мир на грани пробуждения.

Красивый, яростный, беспечно молодой,
игрой трёх лун замороженный ночью,
где ветки ив над сонною водой
теченью добавляют многоточья.

Туманной дымкою с реки плывет рассвет,
играет лучик золотистой рыбкой.
Плеснёт волна под берегом в ответ
и растечётся в ожидании зыбком.

Манящий запах свежескошенной травы
над уходящим в небо косогором...
С богами здесь не принято на «вы»,
к ним как к родне приходят с разговором.

Не сетовать, не плакать, не просить,
а говорить - с достоинством и верой,
возможности понять и огласить,
и больше не гоняться за химерой.

А ближе к полдню каплями дождя
по полевой, проселочной дороге
я в новом мире напишу тебя,
не думая о том, что скажут боги.

Подборка стихотворений Сергея Вострикова

* * *

Серьги красной смородины,
вкус кислинки во рту.
Только рядом был вроде бы,
а уже за версту

этот вечер малиновый,
где сомнения нет,
где лепили из глины мы
нашей жизни сюжет

и сушили под звездами
на холодном ветру...
Жаль, что поняли поздно мы
вкус кислинки во рту.

* * *

Небесные дворники снег метут,
лопатами вниз бросая.
А где-то тут, не боясь простуд,
надежда идёт босая.

Горчинкою палевых хризантем
заправлен вкус снегопада.
Надежда смотрит в окно. Затем
проходит со мною рядом.

Плантацией хлопка озябший сквер.
И время теряет меру,
Чтоб сотни маленьких белых вер
сложились в большую веру.

Погасим свет, зажжем свечу...

Моей жене

Погасим свет, свечу зажжём.
Фитиль затеплится степенно.
Уставший за день старый дом
нас оградит от всей вселенной.

Погасим свет, зажжём свечу
и посидим, на пламя глядя.
Февраль ознобом по плечу
скользнет из заоконной глади.

Что завтра ждёт - не угадать,
да нам, пожалуй, и не надо.
Чай разливает благодать,
тепло руки любимой рядом.

И ты молчишь, и я молчу.
К чему пустые разговоры?
Погасим свет, зажжём свечу
и поплотней задернем шторы.

* * *

Время ленивой рекой течёт
за утренним кофе-чаем,
но всякий раз на секунды счёт,
мы просто не замечаем.

Ставим пометку «один из дней»,
пройдет, и его не жалко.
Но чашка кофе в руке моей
нечаянною гадалкой

туманно станет давать совет
с поправкой на время года...
Да только толку в совете нет
когда сквозняком восхода

по сердцу тянет щемящий блюз
пронзительно, без истерик...
Минус на минус давно не плюс,
а строчки в графе «потери».

Потери, в которых твоей вины
на грош, ну на два, – не боле,
но вот, поди ж ты, приходят в сны,
и сердце сжимает болью.

Потери, которых не отыграть,
не отмолить стихами...
Лишь эти сны - между нами гать
и пропасть в одно дыханье.

Сегодня снились, да не успел
(будильника трель расстрельна)
спросить – что у них там, каков удел...
И вот за столом бесцельно

веду обидам и ранам счёт,
Сижу, головой качаю...
А время мимо рекой течёт
за утренним кофе-чаем.

Елена Уварова,
г.Алматы, Казахстан

Конкурсное произведение

Гадалка

*«Ты прости нас, Господи, мы не ведаем,
что творим...»*

Игорь Царев

На сочельник снег дотемна маячил,
а когда замёл он моё крыльцо,
в ледяную дверь постучался мальчик –
невысокий, щуплый, с рябым лицом.

Говорил тревожно, ступал несмело,
наблюдал с опаской, исподтишка.
Сел у печки. Печка безмолвно пела,
как поёт старуха без языка.

Погадать просил. Растирая пальцы,
отогрелся, скинул с себя тулуп.
Я в него глядела: вот церковь, плацы...
и проклятья с чьих-то слетают губ.

Кто ты, мальчик? Выйди ко мне, не прячься.
Два пути на линии жизни есть.
На одном – ты зряч, но идёшь к незрячим,
и несёшь смиренно благую весть.

На другом, который вот здесь, где палец,
ты - слепец, и сеешь повсюду смерть.
Кто ты, мальчик? Кто ты, худой страдалец?
Отчего так страшно в тебя глядеть?

Выбирай судьбу! Впрочем, ты не властен.
Или властен? Вот же – не разобрать!
За тобой – лукавый с драконьей пастью,
но и Бог, в которого верит мать.

Выбрав свет, погибнешь, как лёд на солнце.
Жив останешься, встав на безбожный путь,
одержимость властью в тебе проснётся,
от которой в сторону не свернуть –

так в ушко иглы не пролезть верблюду.
И тогда хоть сотню лет проживи:

будет плач и скрежет зубов повсюду.
Будет кровь...и слава твоя... в крови.

Он сидел, на плечи тулуп набросив,
словно мёрз, но пот выступал на лбу.
И глумилась ночь: «Выбирай, Иосиф,
если сможешь выбрать свою судьбу».

Подборка стихотворений Елены Уваровой

Чудо

Ни вспомнить, ни забыть наверняка
колючесть трав и мягкость пиджака,
вбирающего пыль земли, покуда
рождалось в нас непознанное чудо;
ни танец рук, ни чуткость тишины,
которой были мы защищены
от мира, слыша шорохи лещины,
шум камышей и оклик петушиный,
несущийся из сердца старых дач;
ни влажность губ, ни соловьиный плач;
ни жажду приближенья тёплой ночи,
соединявшей медленно и прочно
нас, робко постигающих себя,
где чувства, словно зёрнышки, дробя,
витало неизвестное... Мы спали
на пиджаке, познав такие дали,
в которых был сокрыт сакральный свет,
войдешь в него и знаешь: смерти нет.

Осеннее ассорти

Дождь и грязь – осеннее ассорти.
Никому не вымолить, не спасти
обречённых завтра сорваться с веток.
Выйдешь в путь, подземка кишит людьми,
трубадур там песню поёт, что мир
темноту попутал с небесным светом,
потому веками он слеп и глух,
в нём крысиный нрав и мышиный дух,
потому под масками прячет лица.
Постоишь, послушаешь эту песнь
и подумаешь: «Господи, дай мне днесь
не послать всех к чёрту и не напиться».

Не бойся

Уходя от зимы запасными путями,
укрываясь от бед,
поднимается солнце в холщовой панаме
на Тянь-Шаньский хребет,
где, проснувшись, шуршат и качаются ели,
тишину распоров,
где ни выюжного плача, ни стога метелей,
только шёпот ветров.
Только память, в которой морозы, стеная,
заграждали мне путь.
Только голос Господний: «Не бойся, родная».
И не страшно ничуть.

Времена года

В музыке спрятаны жизнь и тайна,
шёпот времён, их далёкий свет.
...Он эту комнату снял случайно –
так говорили спустя сто лет.
Всюду солома, на стенах – плесень,
стулья обшиты дрянным сукном.
Эхо церковей, голубиных песен,
илистый запах ползли в окно.
В каменных уличных коридорах –
старый сквозняк подражал сычу.

В полночь, проснувшись, услышав шорох,
наш постоялец зажжёт свечу.
Что он увидел! За клавишином
(Боже Всевышний, помилуй мя)
статная женщина в платье синем
гордо сидела. И меркла тьма.
Господи, как же она играла –
вихрем взвивался и таял звук,
в дух проникал – то колол, как жало,
то разливался истомой вдруг.
Женщина встала (упали ноты):
– Осень и зиму дарю. Бери!
И растворилась. Кричал он:
– Кто ты?
Долго ходил от окна к двери.

Утром, забыв про покой, он ворох
нотных бумаг перебрал. Потом
к морю пошёл, пил целебный воздух,
плакал, себя осенял крестом.

Ночью не спал:
– Дорогая, где ты? Звуки летят, как стрекозий рой.
Дай мне весну!
– Я отдам и лето. Чувствуй меня! Говори со мной!
Скрипка дышала, шуршало платье.
Губы ловили движенья губ.
Господи, благо Твоё – проклятье,
если постичь его суть и глубь.
Можно коснуться Тебя, наверно,
если себя отыскать в себе.

...Время разрушит потом таверну,
радости сменятся циклом бед.
Всё переменится: смыслы, люди,
темы молитв отойдут в века.
Музыка только бессменной будет.
Будет бессмертной... наверняка.

Дина Дронфорт-Кандидова,
г.Москва, Россия

Конкурсное стихотворение

Предвечернее

*«Тени горьких предчувствий и огненных рун
Пробегают по нервам трепещущих струн».*
Игорь Царёв

Затмило солнце миртом и полыньёю,
и рокотом дохнуло после дня –
то оседают стен моих твердыни,
под осыпью нещадно хороня
трепещущие жизнью паутины.
Предельного прозрения строка
под веки полыхнёт неотвратимо,
и немота коснётся языка.

Над миром час, когда ночные тени
пространство заполняют не спеша,
колышась, кроны иссиня густеют,
несмело обнажается душа –
в заветный этот час дракон заката
зевнёт ещё из облачных перин,
взлетает небо крошевом пернатым.

Помедлить у порога...

И за ним
очнуться лёгким обертоном хора,
уже не сопричастным ничему,
случайным бликом в сумраке собора
встревожить вековую тишину
и плыть, внимая эху, что рассыплет
наивная баллада витражей
под сводами, и помнить –
 кубок выпит.
И не печалиться о том уже.

Подборка стихотворений Дины Дронфорт-Кандидовой

Весна

Подросток-весна, незнакомая девочка,
ладошками зелени тронет слегка
разомкнутость губ и набухшая веточка
протянет лиловую завязь ростка,
коснётся щеки и откроет доверчиво
вишнёвый цветок ароматы глубин.
Чиста и щедра – первозданная женщина
в наивном неведении зимних седин.

Амстердам

Давай с тобой отменим все уставы,
забудем всё про всё, что наизусть –
инстинкты, веры, мнения и нравы.
Несладок дым Голландии! Но пусть
качает Амстел мачтами на рейде,
горчит в промозглом воздухе листва.
Послушай: чайка тоже морем бредит,
запретного отведав волшебства.

Под вечер рыбный ветер тла и тлена
ущельем улиц путано ведёт.
Старуха – независима, согбенна,
сама Европа! – мёрзнет у ворот.
Над кру́жками домов сбегает пеной
игривое барокко старых крыш.
Смотри: цветную рябь огней таверны
несёт в кольцо моста...
 Но ты молчишь.

Далёкий, незнакомый, безответный –
тебя манят немые витражи.
Ладони студит камень парапета,
и небо тихой моросью дрожит.

Пора! Уходит время по течению.
Дай руку – на холсте сырой стены
оставим Амстердаму наши тени,
невинным озорством обречены.

Тишина Фатерштеттена

Громогласие Мюнхена тонет в цикадах предместий,
благолепны герани балконов, причудны дороги.
Не добратся до этой глуши ничему, кроме вести
о рождённом от девы, распятом, но признанном Боге.

На душе тишина – ни салюта, ни птичьего солнца,
не рокошет лавина, молчат заоконные слёзы.
Горизонт между белым и чёрным сегодня не рвётся,
пара мушек-машин по ландшафту, и те безголосы.

Все вопросы поставлены, выданы впрок все ответы.
Растворяясь в тиши, утихают порывы и страсти.
Так приходит к смирению каждый когда-то и где-то,
осознав, что ни в чём,
 даже в собственной смерти,
 не властен.

Страж памяти

Из памяти лица смывает текучей толпой,
и камни развилок уносятся ветром времён.
Проворно вспорхнула строка. Под повязкой слепой
ты – памяти страж – уследишь ли бежавших имён.

Плывёт между чёрных полотен твоя голова.
По-чёрному выжечь, иначе не будешь прощён.
Последние жаркие угли – сгребашь слова.
Ещё только слепок, ещё только снимок, ещё...

Сергей Кривонос,
г. Сватово, ЛНР, Россия

Конкурсное произведение

* * *

*«Синицей теплою в руке,
Ручным ли соколом,
Не важно как, не важно кем,
Я буду около».*

Игорь Царёв

Уезжай. На прошлое не сетуй.
Ни к чему унылые слова.
Уезжай. Как отпылало лето,
Так сгорит осенняя листва.

Ты чертовски молода и, чтобы
Шла сквозь дни любимой и любя,
В мир весны пускай везет автобус
Из пришедшей осени тебя.

Что сейчас мои стихотворенья –
Россыпь, в общем, невеселых строк –
Я всего лишь осени мгновенье,
Я всего лишь сентября листок.

Видно, где-то есть, тобой обласкан,
Тот, кому уткнешься ты в плечо,
Может, в Счастье, может быть, в Луганске,
Ну, а может где-нибудь еще.

Я ведь ничего не обещаю,
Вот уедешь, и запрячусь в тишь.
Уезжай, я все тебе прощаю,
Зная, что и ты мне все простишь.

Уезжай туда, где есть ответы
На вопросы жизни непростой,
Где тебя с улыбкой доброй встретит
Кто-то по-апрельски молодой.

Но душа моя среди всех странствий
Вновь тебя обнимет горячо,
Может, в Счастье*, может быть, в Луганске,
Ну, а может где-нибудь еще.

**Счастье – город возле Луганска.*

Подборка стихотворений Сергея Кривоноса

* * *

Натирал я лопатою руки до боли,
 Ныли ссадины. Но все равно
 На ладонях моих не твердеют мозоли,
 На душе затвердели давно.

Черный свет мой пошел безвозвратно на убыль,
Белым светом наполнится дом –
Ведь не стала душа толстокожей и грубой,
Просто сверху прикрылась щитом.

Мир един. И холмы на ухабистом поле,
Что туманится грустно вдали,
Это, может быть, тоже тугие мозоли
На душе утомленной земли.

Здесь трава-мурава с каждым годом редее,
Здесь машины ревут, мельтеша,
Но под коркой земли, что все больше твердеет,
Остается живую душа.

* * *

Знало усталое солнце:
 пора на ночлег.
 Но забрело в облака,
 позабыв о ночлеге.
 А по дороге, уткнувшись в печаль,
 человек,
 Ехал, мотив напевая,
 в скрипучей телеге.

Чувствовал конь,
 что хозяин его утомлен,
Сдерживал шаг торопливый
 с завидным старанием.
Мир был согласьем возвышен
 и был удивлен,
Тем, что знакомый мотив
 превратился в молчанье.

И размышлял человек,
 ощущая покой:
«Вроде в достатке живу,
 а вот в сердце — убого.

Не потому ли так дорог мне
 преданный конь,
Грива его над петляющей сонно дорогой?

Двигается жизнь.
 Для печали немало причин.
 И устаю иногда
 от работы натужной.
 Век двадцать первый,
 наполненный воем машин,
 Мне не сумел доказать
 то, что конь стал ненужным.

Пусть с каждым годом
 все больше забот и потерь,
Но, словно звезды,
 надежды лишь временно гаснут.
Трудно к согласью
 порой открывается дверь,
Видимо, всем нам сейчас
 не хватает согласия...»

Вот и жилище.
 Рассыпав лучи в зелена,
 Солнце неспешно сползло
 за пригорок покатый.
 А человек все стоял и стоял
 у плетня,
 Гладил коня,
 утопавшего гривой в закате.

* * *

Я в дом вхожу... камин... накидки скромные...
Кровать... Во всем заметна экономия...
Хозяйка не спешит разжечь огонь.
И начинает мне про жизнь рассказывать,
В которой – нищеты однообразие,
Хоть выйди на крыльцо и волком вой.

Муж, в общем-то, прилично зарабатывал,
Прилично также выпивал и матами
Ее привычно крыл. И вот беда –
Он, обмывая грамоту почетную,
Напился как-то в дрободан, до чертиков,
Уснул и, оказалось, – навсегда.

Теперь никто не материт сердечную,
А на душе мучительно по-прежнему –

Над каждою копейкою дрожит:
Была сиделкой, трудная профессия,
Но дали оскорбительную пенсию,
С которой только впроголодь и жить.

Скребется мышь в углу холодной комнаты,
Но что тут огорчаться? Хоть какое-то
Живое обитает существо.
«Я с мышью, – объясняет мне, – беседую,
Когда живешь одна, кому посетовать
На горькое-прегорькое вдовство?»

И я помог, чем смог, хозяйке старенькой
В неброском доме, бедами обставленном,
Где столько неуют и тревог.
Чинил, носил, ворочал и морочился,
Но в доме было столько одиночества,
Что я его преодолеть не смог.

* * *

Потеплели глаза у зари,
И объята покоем равнина,
Где в росе обреченных травинок
Отразились опять косари.

Где удачу пророчат грачи,
Где безумствует запах акаций
И где бабочки тихо садятся
На упавшие в травы лучи.

Что сказать? Человек я простой:
Мне наградой твой взгляд и отрадой,
Как цветение майского сада,
Как весны разнотравный простор.

И под легкие вздохи косы
Закружили под облаком птицы,
И ромашек пыльца золотится
На прозрачных крылах стрекозы.

Мария Валеева,
г.Мценск Орловской обл., Россия

Конкурсное произведение

Я вернусь

*«Я вернусь, я ещё непременно вернусь,
Пусть, хотя бы, и выпавшим снегом»
Игорь Царёв*

Солнечный луч рисует светлую полосу,
Двигаясь по подушке медленно и лениво.
Отзвуки слов с рассветом птицы мне принесут:

«...Буду я летним ливнем, взбалмошным и игривым.
Буду лесной малиной и ароматом трав,
Летней рекой. Листвою буду легко качаться.
Верю, меня узнаешь, просто в ладонь собрав
Камешков разноцветных горсти в волнах причала.
В скалах ручьём прохладным буду бежать звеня.
Жизнь – это пульс. Я здесь. Был человеком. Плотью.
Форма сменилась, знаю. Но, это тоже я:
Бег облаков и плеск рыбок на мелководье.
Миг промелькнёт. Опять новых одежд заря, –
Стану я человеком, алой горячей кровью.
Ну, а пока... Я здесь. Ты вспоминай меня.
Ласково вспоминай.
И – я вернусь...»

Подборка стихотворений Марии Валеевой

Июльское

Какие следы оставляет июльский зной?
Сухие метёлки на пёстром холсте травы,
Коричный оттенок на коже, грудной покой,
Охапки тимьяна и мяты.
Побыть живым –

Июльский подарок прописанным в холодах,
Увявшим в зиме и простудах.
Постой! Забудь!
Пока под мостками гремит одолень-вода,
Пока на мостках так печёт, что спешишь нырнуть,

Цедить сердцевину лета – простой закон!
Качаться медузой в июльских крутых волнах.
Во внутреннем очаге раздувать огонь,
Которым согреешься позже,
зимой,
впотьмах.

Связь

Я и ты – берега реки:
Тут – обрывистый, там – пологий.
Умывают нас ручейки,
Веселят болтовнёй пороги.

По извику цветных полос
Мы поблизости, но не вместе.
В крыльях бабочек, птиц, стрекоз
Посылаем друг другу вести.

Тянут руки наискосок
Ивы, станы клоня к обрыву.
Между нами бурлит поток,
За движением торопливым

Сохраняя простой секрет:
Пусть преграде мы и покорны,
Но отдельных сторон здесь нет.
Расстоянием иллюзорным

Разлучённые с высоты, –
Прочно связаны влажной глиной.

Что сожжённые нам мосты,
Если мы под водой едины?

В солнечный осенний день

За горизонтом неспешно скрываются облака.
Падает синь в глаза. Очнувшись от печали
Видишь себя. В полёте маленького листка
Растворяешься. Машешь птицам. Рассматриваешь детали

Танца солнечных пятен среди колосков травы.
Ветер в деревьях аккомпанирует скрипу крыши.
Музыка осени сорвалась с натянутой тетивы.
Слышишь её мелодию?
Мне важно, чтобы ты слышал.

Геометрия оптимизма

Скольжение взгляда по плоскости, в угол окна.
Секунда, другая, потом поворот и опять,
Скольжение. После – побег за стекло, где видна
Свобода неправильной формы меняться,
играть
Оттенками цвета в закатной февральской тиши.
Когда горизонт – это линия тела в тоске,
Одно остаётся, – считать
и в «дыши – не дыши»
Впиваться вниманием. После,
совместно тускнеть
С оконным экраном. И, может, внезапно понять:
Движением взгляда по раме рисуется круг,
Знакомый по детским рисункам. Клубочек огня.
Ненастье для солнца –
не повод
закончить игру.

Кристина Иванова (Денисенко),
г. Юнокоммунаровск, ДНР, Россия

Конкурсное произведение

Оживай

*«Я не такой уж больной и беспомощный,
Вырвусь из цепкого льда –
И объявлюсь на пороге до полночи...
Или уже никогда».*

Игорь Царёв

Я воскресла из пепла яблони,
и по новой руками зяблыми
полумёртвым и полувывжившим
в одночасье вяжу бинты.
Под расколотым небом ужаса
белый снег с чёрным страхом выюжится –
поднимайся, боец израненный,
тебе нужно вперёд идти.

Стылый воздух пронзило выстрелом,
а ты должен, обязан выстоять,
даже если другой не выстоит,
устремив в никуда свой взгляд.

Знаешь, ворон, вздымая крыльями,
в своей чаше и сердце выключает
и стервятнику, и могильнику,
даже если слабей в сто крат.

И ты сможешь с врагами справиться,
я вколю тебе кубик здравицы,
дозу веры и две везения –
день закончится словно сон
снегопадом, на поле минное
опустившимся мягко сплинами
по отцовской веранде с рейками
и до боли родным крыльцом.

Ничего нет на свете вечного,
город смотрит на снег увечьями,
на ресницах солёных изморось,
на губах приглушенный стон.
Оживай, возрождайся, вспыхивай
покалеченной стрессом психикой,
Я не ангел, не врач, не знахарка,
но ты будешь
опять спасён.

Подборка стихотворений Кристины Ивановой (Денисенко)

Моя молитва чередуется с тревогой

Под сводами, где ладан дополняет миг
Медовой нотой луговых соцветий Дона,
Где роспись древних стен застенчиво таит
И чистоту слезы, и праведное слово,
Металась девой с забинтованной душой,
В провале памяти, где нет ни дна, ни края,
Но божий ангел словно с неба снизошёл,
И я огонь церковным свечкам раздавая,
Прониклась к рыцарю на белом скакуне
Невольным трепетом и оторопи шквалом.
Я проживала вереницы ясных дней.
Ночей холодных вереницы проживала.

А он, копьём пронзая пагубное зло,
Внушал мне силы и надежды быть прощённой.
И хор церковный пел, и пальцы воском жгло,
Когда я не дышала, стоя у иконы.

Я – мать отеческих сынов в плену врага,
Я – мать калек и мёртвых, вы меня простите,

Я – мать артиллериста и штурмовика,
Геоorgia Победоносца о защите
Прошу, какой бы запоздалой ни была...
Моя молитва чередуется с тревогой.
Звонарь задаст минорный тон колоколам,
И город материнским сердцем тоже вздрогнет.

Славянский оберег

Нет в мире ничего сильнее одолень-травы, –
Славянская проматерь явно знала толк в защите,
И розовые лотосы в узорах круговых
На византийском шелке вышивала тонкой нитью.
И на растущий каравай луны плела венок,
И опускались ангелы по зову сердца к дому,
Где тлел на старо-русском алтаре живой огонь,
И становилось сильным неуверенное слово.
Тонули в синем небе отголоски жгучих фраз,
Когда и стар, и млад водил не коловод, так пляски,
И горе обходило стороной, и жизнь неслась
Потоком бездны, а быть может, просто женским счастьем...
Я тоже вышью для тебя славянский оберег.
В нём будет круг сакральных лепестков и тайны неба,
И ангелы, как на ладонях невесомый снег,
И одолень похожая на старые деревья.
И может быть, тогда ты разглядишь в себе черты
Наследницы славянского фольклора и традиций...
И там, где человеку будет не дано пройти,
Перелетишь напуганной размахом крыльев птицей.

Монахиня

Не подлежит сомнению печаль твоей души
И музыкальность приглушенной лампами молитвы.
По вечерам ты память, словно угли, ворошишь,
И тёплые носки вязать для рядовых привыкла,
Вплетая веру в чудо и надежду с лицевой,
Вплетая веру в хрупкий мир и в лучшее с изнанки,
Ты словно снизошедшая блаженная с икон,
И спицы – крест, и слово – щит, и кот на кресле – ангел.
Твой день полнее всякого наполненного дня
Огнём свечей и чередой семи церковных таинств.
Осенний Углич кружевами чёрными объят,
И серебро луны на монастырских стенах тает,
А ты с бессонницей сдружилась, так тому и быть,
Твоей молитвой солнце опалит хрустальный иней,
Солдат с осколком в голове останется в живых,
А мёртвые тела укроет снег на поле минном.

Твоей молитвой рано или поздно стихнет бой
В последний раз, и больше никогда не повторится
Ни штурм руин, ни оборона мирных городов,
И даже перестанут биться друг о друга спицы,
Когда не будет надобности в вязаных носках,
Когда твоя молитва станет грешному нужнее...
Пока рассвет не постучался в окна, ляг поспать,
Сестра моя – монахиня, сестра – святая дева.

Благовестница

Я – сон. Я – состояние покоя у воды,
Когда луной разлитый свет не знает края тайны.
Я – тонкое касание натянутой струны
И робкий звук податливой твоей молитве арфы.
Мой замок из небесных облаков – посконный холст,
А крылья – два мазка широкой кистью по лопаткам.
Я – благовестница. Я – музыкальный рокот волн
На зимнем берегу в алмазных снежных пятнах.
В меня не верят. Или верят, будто в чудеса.
А я играю в звёздной башне то метель, то вьюгу.
И снег в далёких городах ложится на дома,
Невидимый мороз идёт по замкнутому кругу,
Идут часы, за ночью ночь, Сочельник, Рождество,
Идут апостолы занять врата иконостасов,
А я серебряной мелодией в твоё окно
Не смею, словно снегом, еле слышно постучаться.
Этюды распадаются на отголоски дней –
Такой меланхоличный ангел стал твоей защитой.
Не думай ни о чём плохом и чистым сердцем верь,
Хорошее в твоей судьбе вот-вот должно случиться.

Елена Чалиева,
г. Нижний Новгород, Россия

Конкурсное произведение

Когда ты ушёл...

*«А вдруг ты простишь, и все будет как прежде,
А вдруг ты еще меня любишь?... а вдруг?»...
Игорь Царёв*

На улице дождь барабанит по крышам,
Затеяв с домами назойливый флирт.
А в комнате тихо и будто бы слышно,
Как стонет в горшке увядающий мирт.

...Когда ты ушёл, я с крыльца не сбежала,
Перчаток не спутала, дверь заперла,
Вот только лишь воздуха сделалось мало,
И патина съела мои зеркала.

Когда ты ушёл, даже верное кресло
Притихло, как лошадь, что ждёт седока,
И краска с осенних рассветов облезла,
И стройный платан искривился слегка.

Как муха в янтарь, в эту осень влита я,
С листвою опадаю, в тумане живу...
И только стихов белокрылая стая
Пока ещё держит меня на плаву.

Пуститься б в загул! Улететь бы в Минводы!
А можно к подруге уехать на юг...
Но вдруг ты вернёшься, устав от свободы?
А вдруг ты меня ещё любишь?... А вдруг?...

Достройка

Я несколько лет одиноко стоял,
хоть с виду кирпичный и крепкий –
строители сгинули, бросив меня,
остались окурки да кепка.

Пытались продать, да никто не берёт –
кто взять недостройку решится?
Напрасно ходил на осмотры народ,
висела растяжка-тряпица.

Жилец поселился – нахальный паук,
развесил свои занавески.
От холода, ветра немыслимых мук
я начал трещать не по-детски.

Разбили окно, обветшала стена,
и в думках маячила свалка...
Но тут на пороге возникла Она
и громко и чётко сказала:

«Чудесный какой, удивительный дом!
Всю жизнь о таком и мечтала».
Добавила тихо: «Конечно, берём,
хоть будет работы немало».

И чудо свершилось, и сделан ремонт,
в саду обживаются туи.
И я потерплю, если царственный кот
мне на пол однажды надует.

Паук убежал – по углам чистота,
его мне не жалко нисколько.
Пусть веником любят меня щекотать,
теперь я – счастливый Достройка.

Для нас, для домов, невозможного нет –
по нашей кирпичной планиде
мы будем служить вам, спасая от бед.
Вы, главное, нас берегите.

Летнее нижегородское

Посвящается нижегородскому Арбату.

Лето. Выходной. Встаю с постели,
надеваю классные кроссовки,
капри, топ и ветреной газелью
я гуляю по Покровке.

Здесь всегда народ и много шума.
(А к чему мне тихие задворки?)
Оглядев товары шоу-рума,
я гуляю по Покровке.

Хорошо в кафе у Драмтеатра
сделать небольшую остановку:
флирт под кофе, впрочем, без азарта –
я гуляю по Покровке.

Пусть нас напрягает что-то вечно,
и по жизни ходим, как по бровке,
но пока свободна и беспечна,
я гуляю по Покровке.

Письмо Греке

Не войдёшь в одну и ту же душу,
не войдёшь в одну и ту же реку
дважды, дорогой и милый Грека.
Может, это даже и не нужно?

Ты поедешь в Грецию на виллу,
будешь есть там гречневую кашу
и почти забудешь о вчерашнем
раке, что свистит в горах тоскливо.

А когда прибудешь восвояси,
сунешь осторожно в реку руку,
рачьё не забыв ещё науку,
приплывёт какой-нибудь карасик.

Вроде не расстроишься о том, но
спросишь всё же: «Где зимуют раки?»
Вдруг потрёшь невидимую рану,
и рука заново вонзается – фантомно.

В одно и то же время

В снегу вечерний парк. Уснувшие деревья.
Их будит мой Виконт и тянет поводок.
Прогулка со щенком в одно и то же время –
из дома убежать приемлемый предлог.

Белёсый лунный глаз, небесный надзиратель,
фиксирует опять с холодной высоты:
сжимаю телефон и номер набираю,
и говорю: «Привет!», и отвечаешь ты.

Я каждый новый день в долгу у телефона –
он не даёт забыть любимый голос твой.
Лишь старая сосна, суровая матрона,
качает головой, качает головой.

Сейчас ты далеко, встречаемся всё реже –
колдобины судьбы, крутые виражи.
Но голос твой звучит симфонией надежды,
и можно дальше ждать, и можно дальше жить.

Наталья Титова,
г. Бердск, Россия

Конкурсное произведение

На крик один

*«Мой Бог, её зовут Марина,
Прости бессмертную, прости...»
Игорь Царёв*

...глаза мои перебирают буквы,
Вы пишете: «не я...» и «не со мной...»,
а я в трамвае этом еду будто
то рядом с домом, то в стране иной.

Вы пишете про молодость и зелень
разбитую и «та... и та...и та...»,

а я назад сквозь лабиринты времени
шепчу и плачу – Вот моя рука,
держите, может станет вам теплее,
а может быть, сухую сжав ладонь,
я удержать на крик один сумею
кукушек звон и колокола вой.

И повернётся круг совсем иначе,
он стол накроет Вам на семерых,
не нужно будет разрешать задачи –
кого в живых оставить из двоих,
не будет рук измученных, в мозолях,
ни слёз, ни обречённой пустоты,
лишь звездопад над лютиковым полем
и необыкновенные цветы
из Ваших Слов, сплетённые в столетья,
прекрасны настоящностью своей,
и больше ни одной войны на свете,
и чтоб никто не хоронил детей...

Не укоряйте, и не говорите,
и оправданий отметите хлам.
Кто смеет Вас судить, какой ценитель? –
любой в подмётки не годится Вам.
Вы – птица гордая, да – надломились крылья,
да – не хватило воздуха, когда
Вы молча умоляли – Помогите,
просить не смею – слишком я горда...

Вы примеряли платье перед кем-то?
Вы целый год искали тот фасон,
не вызвать чтобы отвращенье смертных,
в бессмертие входящих будто в сон.

Простите нас, за то, что мы, живые,
так скверно исковеркали слова,
за наши притязания пустые,
за выдохи и вдохи холостые,
за подлые попытки воровства,
за фальшь, за нищету в холодном сердце,
за неумение открыто говорить,
за то, что беспринципно лезем к дверце,
которую во век не отворить
умом, подсчётом, выверенным ритмом,
хоть тыщу лет учи-переучи...

Мы не умеем вены резать бритвой
и так писать, чтоб стих кровоточил.

Подборка стихотворений Натальи Титовой

Не подчиняющаяся слогам

«Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος»

Придёт январь. Настанет Рождество.
В церквях зажгут все свечи пред иконой
и станут петь о том, как хорошо,
что он родился. И земным поклоном
одаривать, а что ещё дарить...
Так много ли ему несут подарков...
я забываю поблагодарить,
сжигаю дома свечи без огарков
когда мне плохо, некому помочь
и кажется - вся жизнь моя насмарку -
я мать плохая и плохая дочь,
я делаю пометку за пометкой,
когда пытаюсь написать о том,
о чём должна молчать, но я, как баба,
побитая не за што мужиком,
срываюсь за ворота, по ухабам
несусь, на всю деревню голоса,
не утирая слёз и алой юшки,
расхристана, вся - наперекосяк,
оглохшая от пяток до макушки.

Поглядывают в окна и молчат,
кто отвернётся, кто ухмылку спрячет,
а кто-то матюкнётся сгоряча.

И только мама крадучись заплачет:
За что ж такую дуру да в приют
мирской, не обучивши, на засилье...

Жаль при рождении не выдают
бескрылым бутафорские, но крылья...
Повесила б на гвоздик в закутке –
согрела б мысль – крылья существуют,
но потому пылятся на крюке,
что ветер нынче не попутный дует,
да и зимой летать резона нет –
и в голове жила б мечта... и только...

Крылатый не озвучивает бред
и не терзает рифмою глагольной.
Крылатый пишет в воздухе крылом,
поёт на языке не воцерковном,
ему не ведом строчек бурелом
и не нужны ни свечи, ни иконы.

Летит, летит, летит на землю снег...
Возможно, перья ангелы роняют...
Когда-то на земле жил человек,
его распяли, а теперь обожествляют.

Я думаю о нём который год...
Ни в царствие не верую небесное,
ни в то, что к нам второй такой придёт,
ни проповедям, ни в знаменье крестное.

Но доверяю птичьим голосам
и верую: «В начале было Слово...» –
не подчиняющаяся слогам
основа.

Пыль

Над улицей моей всё птицы, птицы...
всё крылья невозможных всех мастей,
от законных взглядов не укрыться...
не разглядеть ни звёзд, ни новостей.

Не то луна, не то звезда ли солнце
мелькнёт сквозь взмахи суетливых крыл,
и тут же стая в клин один сомкнётся,
как будто ...кто-то с головой накрыл.

И в темноте, густой и душно-липкой,
могучий шелест разрывает слух,
так струны, разлучённые со скрипкой,
царапнув деку, выпускают дух.

А этот кто-то, а, возможно, что-то,
не ведая ни страсти, ни любви,
исправно исполнял свою работу,
вычёркивая хладнокровно дни,

смыкая все не прожитые ночи
в одну и нескончаемую ночь..
считая пыль написанных мной строчек
и тех, что написать невмочь.

Не имея крыльев

«...либо небо начинается сразу от земли, либо его нет совсем...»

Разделяю веру и религию –
несоприкасающихся две,
доверяю Публию Овидию
и горевшим в Дантовом огне.

Слышу: гул, стихающий на площади,
отчего гудит пчела – вчера,
тишину над золотыми рощами
гроздьев, обгоревших дочерна.

Тайное даровано мгновение
мне природой птиц и мотыльков,
добираюсь тёмными аллеями
к ветхому убежищу из слов
мимо окон со свечами вечными,
рыбий жир глотая фонарей,
и летят по улице навстречу мне –
«фьюри, фьюри... чиви... чивере...»
в сговоре смертельном с незабудками,
с сором, из которого стихи
не случаются ни строками, ни буквами –
но прикосновением стихий.

И живу по щиколотку в небе я,
не имея крыльев на спине,
между рёбер прорастает стеблями
небо – растворяется во мне.

Молчание не значит тишина

...и ничего, обычные дела,
уснуть – проснуться – дотянуть до ночи,
день ото дня – пока не умерла,
пока меня не обесточат...
и где-то там – за пылью над и под –
оброненным листом тысячелистника –
валяется отвергнутый итог:
живи, живи и наслаждайся жизнью...

Я травы все давно перебрала,
я все настои выпила до срока,
кривая двух ветвей – гипербола,
обратно пропорциональна тропам.

И сладкое, и горькое питьё
закончено, не сохранилось вкуса,
и если в сердце влезть всей пятернёй –
там – пусто...

Я вижу красоту во всём всегда,
я вижу всю беспомощность попыток,
я не могу сказать ни нет, ни да
молчание – спасение от пыток,
молчание... не значит – тишина,
язык не помнит ни чернил, ни песен,

молчание – есть та величина,
в которой нет ни спесей, ни поэзий.

Всё, что придёт, всё, что ушло и есть –
невинно, бестелесно, бессловесно.
И вместо «Хлеб насущный даждь нам днесь»
я промолчу... и это будет – честно.

КОНКУРС «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ – 2025»

НОМИНАЦИЯ «ВЗРОСЛЫЕ – ДЕТЯМ»

Стихи для детей

ПОБЕДИТЕЛЬ

Марат Гарданов,

г. Гродно, Беларусь

Выбор

В корзине щенки копошатся –
родные сестрицы и братцы.
Считая, собьёшься со счёта,
и выбрать непросто кого-то.
Любой бы устроил вполне,
настолько все нравятся мне.
Однако себе я возьму
того, кто мне руку лизнул.

Кто главный?

Кто главный в семье? Интересный вопрос,
который меня озадачил всерьёз.
Казалось бы, папа, однако не он.
Что мама ни скажет, для папы закон.

А бабушка так обращается с мамой,
как будто является главной самой,
хотя в той же мере для бабушки дед
главнейший указчик и авторитет.
Но власти в доме и у дедушки мало,
поскольку, что внучка бы ни пожелала,
всё, как по приказу, немедля, без слов
дедуля охотно исполнить готов.
И значит, логически думаю я,
в семье всех главнее сестричка моя.

Прятки на грядке

Огурцы растут на грядке
и со мной играют в прятки.
Раз, два, три, четыре, пять,
начинаю их искать.

Но слились они, увы,
с буйной зеленью листвы,
и поди-ка их среди
этой гущи разгляди.
Вы, конечно, хитрецы,
я ж хитрей вас, огурцы.
Сбегал быстренько домой
за подзорною трубой.
С нею в целых десять раз
возрастает зоркость глаз,
и теперь посмотрим, братцы,
как удастся вам скрываться!
Вот и первый, наконец,
увидал я огурец,
а едва сорвал, за этим
два других ещё заметил.
Сразу столько их везде
стало видно на гряде,
что вернулся вскоре в дом
я с наполненным ведром.

ФИНАЛИСТЫ

Александр Гиневский,
г. Санкт-Петербург, Россия

«Молния»

Той змейки
не прирученной
пугается народ,
когда она
под тучами
гремучая блеснёт.
И лишь один
доволен я,
иду себе, пою...
Застёгивает
«молния»
курточку
мою!

След

Дядя Вася,
мой сосед,
показал мне
этот след.

Он сказал:
«Смотри!
зверюга...
шёл по снегу
только что.
Видно, хищник...
Был напуган.
Знаешь, что-то
с ним не то...»
Я с собою взял
колбаски,
хлеба взял
и взял салазки.
Может, старый зверь,
больной...
Привезу его
домой.

В музее

Смотрю
на богиню
в музее
и что же?..
Я вижу
богиня
на маму
похожа:
такие же
уши,
и брови,
и нос.
Вот жаль,
нет у мамы
кудрявых
волос.
Зато
моя мама
часто смеётся,
а эта...
из камня...
и не
улыбнётся.

Наталья Колмогорова,
ст. Клявлино, Самарская обл., Россия

Чепушата

Мы весёлые мышата,
Или просто – Чепушата!
В тихом подполе живём,
Крошки хлебные жуём.
Постоянно суетимся –
Чепушимся, чепушимся!
Чепушата мама с папой,
Чепушата брат с сестрой,
Даже дед и баба Чапа
Чепушата день-деньской!
Только скрипнет половица –
Перестанем чепушиться!
Шорох там и шорох тут...
Мыши весело живут!
Шум, возня и беготня,
Остальное – чепухня!

Совёнок

У мамы Совы есть прекрасный ребёнок –
Такой беспокойный пушистый Совёнок!
Он любит ночами по лесу летать
И уханьем громким прохожих пугать.
Спросила Совёнка Летучая Мышь:
– Чего ты ночами, Совёнок, кричишь?
Глазом моргнув, отвечала ей птаха:
– Ночами кричу я от жути, от страха,
Поэтому чтоб самому не пугаться,
Других заставляю дрожать и бояться.
Чуть-чуть улыбнулась Летучая Мышь:
– Какой ты наивный, Совёнок-глупыш!
И звёзды, и месяц, ночи не боятся -
Они в темноте, как ты знаешь, рождаются...
Пугать любят те (или зверь, или птица),
Кто сам в этой жизни чего-то боится...
Пусть ночь, словно другу тебе улыбнётся,
Тогда и пугать никого не придётся!

Солнечный заяц

А Солнечного Зайца
Поймать совсем не трудно!
Тут главное, дожждаться,
Когда наступит утро.

Он – тёплый, он – хороший,
Он мягкий, как шарпей...
Поймай его в ладоши,
К груди прижми своей!
Его послало солнце,
Как счастья – верный знак,
Его сердечко бьётся
С твоим сердечком – в такт.
Он тронет лапкой ухо:
– Вставай же, егоза!
И ты, собравшись с духом,
Сквозь сон протрёшь глаза...
А ну-ка, просыпайся,
Кивни ему в ответ!
И Солнечному Зайцу
Шепни скорей: - Привет!
Он на потеху – скорый,
Ему шалить – не лень,
И значит, будет добрым
Твой новый, новый день.

Александр Колтаков,
г. Новокузнецк, Россия

Весёлый кот

Шёл по лужам рыжий кот,
Улыбался во весь рот.
Говорил он: «Я могу
Сделать радугу-дугу».
Шлёпнет лапой по воде –
Капли пролитых дождей
Поднимаются столбом
Над усами и хвостом.
Как в луч солнца попадут,
В семь цветов себя зажгут
И горят над головой
Чудо радугой-дугой.
Шлёпать лапами не лень:
Так гуляет целый день!
Все в восторге от кота:
«Ах, какая красота!»
Рыжий маг не одинок,
Рядом прыгает щенок.
Слышен друга звонкий лай:
«Эй, хозяин, помогай!»

Смешинка

В школу рыжая Маринка
Принесла с собой Смешинку,
Чтобы было ей не скучно
Вместе с классом целый день.
Увидав её Смешинку,
Разбежались все грустинки,
Пофигушки, нехотелки
Скукота и даже лень.
Вместо них пришли смеялки,
А за ними хохоталки.
Как известно, их не спрячешь
Незаметно в голове.
Класс от смеха чуть не плачет,
А учитель хмур и мрачен:
Не поймёт, что происходит
На уроке в третьем «В».
Объяснить взялись ребята:
«Мы ни в чём не виноваты!
Это всё из-за Смешинки
Расшалились тут слегка!»
Оказалось, так Маринка
Назвала морскую свинку,
Потому что в целом мире
Нет забавнее зверька.

Художница

После находки под столиком чайным
В Маше проснулся художник случайно.
Красный прекрасный найдя карандаш,
Нарисовать захотела пейзаж.
Изобразила на новых обоях
Красные волны морского прибоя,
Папу и братика в красных трусах,
Красные лапы у них на ногах.
Лодку под парусом красного цвета,
Красное солнце горячего лета,
Маму под красным, огромным зонтом,
Красный фламинго и таксу с котом.
Красная краска закончилась быстро,
И на обоях нет мест больше чистых.
Маша решила – пора показать,
Как она может свой дом украшать.
Кот замурлыкал: «Картина прелестна!»
Такса пролаяла: «Просто чудесно!»
Папа вздохнул и сказал: «Молодец!
Страшно красиво! Обоям конец...»
Мама одна лишь картине не рада –
Очень ей жалко губную помаду.

Сергей Кривонос,
г. Сватово, ЛНР, Россия

Я до небес построю мост

Я до небес построю мост,
И по нему неторопливо
Пойду набрать в лукошко звезд
Обворожительно красивых.
Для папы с мамой, для друзей
Их принесу домой скорее,
И сразу в комнате моей
Теплее станет и светлее.
Потом настанут, холода,
Опять завоют вьюги грозно,
Но будет комната всегда
Полна теплом и светом звездным.

Рисунок

Лучи заиграли в окошке,
На улице стало теплей,
А Оля старательно кошку
Рисует в тетради своей.
Минута идет за минутой,
Но выглядит странно тетрадь –
У кошки шесть лап почему-то,
А вот почему – не понять.
Лишь брат ее меньший, Антошка,
Сказал, рот раскрыв до ушей:
«Шесть лап для того, чтобы кошка
Быстрее ловила мышей».

Станный кот

Я, ребята, не шучу –
Песни петь кота учу.
Но, к ученью безразличен,
Он мурлычет да мурлычет.
И пока я с ним возился,
Сам мурлыкать научился.

Елена Курина,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Жарко!

До чего же жарко!
На дорожке парка
Ждёт в тени каштана
Девочка Татьяна.
Принесла водицы,
Всем даёт напиться:
Голубям и кошке,
Мошке на ладошке,
Даже попугай
Прилетают стай.
Если пить хотите,
Тоже подходите!

Мой друг Кузя

Это что за жуткий звук,
Кто кричит так странно?
– Паутина там, паук! –
Всхлипнула Светлана.
– Да ведь он совсем малыш,
Я не понимаю,
Почему ты так кричишь,
Ты-то ведь большая!
– Ну а вдруг он ядовит
И меня укусит?
У него ужасный вид!
– У кого, у Кузи?
Он в саду что было сил
Кольца плёл все лето,
Никого не укусил,
Ты не бойся, Света!

Сложный вопрос

Мы с другом решаем
важнейший вопрос:
Как можно спасти
отгрызаемый нос?
Печален с утра снеговик
вновь и вновь –
Ночами зайчишка
сгрызает морковь.
Решили покрасить

в оранжевый палку,
Но стало зайчишку
голодного жалко...
Ждёт зайца сюрприз –
снеговик очень ловок!
В руках у него
целых десять морковок!

Виктор Маньков,
пос. Новый, Воткинский район, Удмуртия, Россия

Звёздный хлеб

Один обычный городок
Волшебным сделал Гном,
Известный всем, как хлебопёк,
Добрjak и астроном.
Он ночью смотрит в телескоп
На Млечный Путь во мгле
И печь растапливает, чтоб
Испечь к рассвету хлеб.
Струится из трубы печной
Дымок в лучах луны,
И снятся детворе земной
Заоблачные сны.
С рассветом городу всему
Гном дарит аппетит.
Все удивляются ему:
Когда он только спит?
И кто прийти по хлеб с утра,
Не посчитал за труд,
Рад хлебным лучикам добра,
Теплу душевных рук.
А Гном-волшебник счастлив тем,
Что с детскою мечтой
Уносит каждый по звезде
Пшеничной, золотой.

Юный защитник *(Внуку Глебушке)*

Левой-правой! Аты-баты!
Мне шагать – не привыкать:
Я мечтаю стать солдатом
И учусь мар-ши-ро-вать.

Одолею все нагрузки.
Их немало позади:
Даже ползать по-пластунски
Начал раньше, чем ходить.
Есть по лазанью на горку
У меня большой успех,
А в песочнице ведёрко
Зарываю глубже всех.
Всё на свете успеваю:
Прыгать, падать и вставать,
Чтобы, вырасту когда я,
Всех выносливее стать.
А когда чуток устану
От армейского труда,
Для меня всегда у мамы
Есть солдатская еда.
Съел уже немало каши,
Чтобы вырасти скорей,
И солдатом быть на страже
Милой Родины своей.

Путешествие (тавтограмма)

Позвал поход под паруса
Потомков Паганеля*
По перекатам, полюсам,
Проливам, параллелям.
Примерно полпути проплыв,
Проказники-плутишки
Повырастали, позабыв
Про памперсы, пустышки.
Препятствия преодолев,
Потомкам поколение
Презентовало, повзрослев,
Похода приключения.
Прогноз погоды подкачал, –
Почти полвека плыли.
ПОЭТОМУ, привет, причал! –
ПОЭТАМИ
ПРИПЛЫЛИ!!!

**Паганель – один из главных героев романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта», известный учёный-географ, путешественник.*

Ирина Савченко,
г. Минск, Беларусь

«Лю...»

Для соседской девчонки Наташки
Я несу три большие ромашки,
Две конфеты в кармане рубашки,
Птичье пёрышко, божью коровку,
Что уселась на палец мне ловко,
И письмо на клочке промокашки:
Слово «Лю...» и подписано – «Вовка».

Обнять жирафа

Я вчера видал жирафа –
Выше папы, выше шкафа!
Я хотел его обнять,
Но – увы! – не смог достать.
Свысока жираф мне вслед
Рассказал один секрет:
«Кашу ешь, учи уроки –
Станешь сильным и высоким!»

Счастье

Дождик захныкал,
Лето раскисло,
Кто-то на небе забыл «коромысло».
Странное дело
Это ненастье:
Шлёпать вприпрыжку по лужицам – счастье!

Наталья Тимофеева,
г.Химки, Россия

Весёлый счёт

Мы ходили в зоосад
И считали там зверят:
Раз - волчонок, два - лисичка,
Три - на веточке синичка.
– Это птичка, а не зверь!

Номер три енот теперь.
Дальше вышла напряжёнка:
Аж четыре медвежонка
Лапы посчитать хотели -
Все четыре - мы успели!
Пять - детёныш кенгуру
С мамой выдумал игру
В сумку прятаться из меха:
Сумка - домик, вот потеха!
Шесть - мартышка ест банан,
Семь - траву жуёт баран.
Восемь - дремлет тигр в вольере.
Девять - слоники поели.
Десять - бегемот в пруду.
Всё, теперь домой иду!

Вежливость

Вежливое слово -
С чем его едят?
Может, это слово
В миске для котят?
Может быть, в пакете
Слово залегло?
Может, на конфете
Я найду его?
Или холодильник
Надо открывать?
Я включу светильник,
Чтобы отыскать
Потеряшку где-то
В доме у меня. -
Не дают конфеты
Мне четыре дня!
«Дай! Прошу! Мне надо!» –
Только всё не то.
И без шоколада
Мой карман пальто...
Даже не уютно
Мне с таким гулять.
Как же это трудно -
Вежливость искать!

Фигурные коньки

Есть коньки – они как пони,
С ними быстро мы догоним
Тех, кто в сапогах гуляет
И конькам не доверяет!

Зря: коньки от слова «кони»,
Только меньше. Значит, пони!
Мы катаемся по кругу
Вместе с Сашкой друг за другом.
Мы сейчас не на манеже,
А на льду фигуры режем:
Круг, петля, параграф, тройка,
Даже аксель можем бойко!

Лилия Тырса,
г.Тернополь, Украина

Обретение дома

Гуляло лето под зонтом.
И воробьи купались в лужах.
За ними кот следил тайком,
Готовясь пригласить на ужин.
Ворона слежку пресекла,
Котяру стукнула в макушку
И удалилась – ждут дела:
Пшено для кур склевать в кормушке.
Кот взвыл от боли, зашипел,
Вороне отомстить поклялся.
Догнать каркушу не сумел:
На лапах не стоял – шатался.
Спешила девочка домой,
Увидела: котик плачет.
Нагнулась: – Бедненький, живой? –
И отнесла его на дачу.
– Коту-бродяжке дом нашла, –
Расхвасталась ворона в стае.
Слегка каркуша приврала.
Ворона – птица непростая!

Сверчал сверчок

Залез сверчок в расщелину –
Противником побит.
Покусанный, растерянный
И горестно скрипит.
Усы отгрызли недруги.
Теперь скрипун – изгой,
Собратьями отвергнутый
К ним в норки – ни ногой!

Я пожалел безусого,
Устроил на постой.
А тот в ведёрко с мусором
Нырнул вниз головой.
Кот прыгнул как ошпаренный
Вслед за сверчком в ведро.
Я стёр со лба испарину,
На обыск дал добро.
Повсюду сор валяется...
Скрипач – на потолке.
Кот-сыщик награждается
Сосиской в уголке.
Жилец устроен на зиму –
Мы свыклись с цвиркуном.
Предчувствие? Фантазия? –
Сверчок – к удаче в дом!

Защитник

Коты идут по следу: – А ну, посторонись!
Наведались к соседу: – Эй, бобик, отзовись!
Куда девался Тишка, наш драный младший брат?
В норе притихла мышка: – Возможен котопад?!
Пёс рывкнул: – Дармоеды! Не стыдно? Вместо крыс
Побили непоседу. Котёнка. Сгиньте, брысь!
Я целый день в заботах – хозяина стерёг.
Устал. Вздремнуть охота. В тень на крыльце прилёг.
А вы мой сон украли. Пылаю гневом. – Ух!
Коты хвосты поджали, помчались во весь дух.
Пёс прочихался громко, прошёлся по двору.
Да где ж искать котёнка? Загнётся ведь к утру!
– Эй, рыженький трусишка! Скорей ползи на свет.
Из конуры котишка запричитал в ответ:
– Боюсь. Вернутся братцы, мне вновь намнут бока.
– Да хватит опасаться. Натура их жидка.
Ты под моей опекой, – заверил Тишку пёс
– Отныне и навеки! – задрал котёнок нос.

Любовь Чернова,
г. Волгоград, Россия

Я завидовать не стану

У моей подруги Галки
На окне цветут фиалки –
Белые и синие,
В крапинку и в линию...

У подруженьки Маринки
Платье с красной пелеринкой:
Поясок с помпончиком,
Юбка колокольчиком...
Я завидовать не стану,
Лучше встану спозаранок,
Наведу везде порядок,
И уроки сделать надо...
Вышью розочку крестом
На салфетке я потом...
Починю сестрёнке платье
Что порвалось так некстати,
Подмету в квартире пол,
И натру до блеска стол...
И от этой чистоты
Расцветут в душе цветы!

Расскажи мне, облако

Расскажи мне облако, где рассвет встречало?
Расскажи мне облако, где вчера гуляло?
Про другие страны, про людей хороших...
Расскажи мне облако о себе немножко...
Ты похоже облако на речной кораблик,
На тебе, возможно, прокатилась я бы...
Но плывя неслышно в синеве игривой,
Стало ты лошадкой с кучерявой гривой...
На тебе, возможно, я б помчалась к дому,
Но уже ты стало птицею огромной...
– Расскажи мне, облако, о себе немножко
Посиди легонько на моей ладошке...
Дождиком в ладони облако пролилось
Не сказав ни слова, грустно испарилось...
Я большую кружку попрошу у мамы,
Чтобы был у облака домик лучший самый...

НОМИНАЦИЯ «ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО»

Елисей Липатов (14 лет),
г. Чехов, Россия

Мягкость

Сколько мягкости кругом,
Снег кружится за окном.
В кресле спит плутишка кот,
Мяжки спинка и живот.
На диване две подушки,
Рядом мягкие игрушки:
Пятачок и Винни Пух,
В них опилки, вата, пух.
Пуха много в одеяле,
Шапке, варежках и шали.
Мягкий сыр лежит на блюде
Мягкими быть могут люди.
И в словах есть мягкость тоже
Мягкий знак всегда поможет.

Зайчик

Зайчик – маленький трусишка
Притаился под кустом.
Сердце бешено стучится.
Волки чуются кругом.
Вон, под старою сосною,
Кто-то ветками шуршит.
Это маленький ежонок
Из гостей домой спешит.
Кто таится за корягой
И зубами щёлк да щёлк?
То барсук грызёт орешки,
В них он точно знает толк!
Тишина. И вновь тревога!
Скрежет, топот, хрюк да хрюк:
Поросята озорные
На поляну вышли вдруг.
Сколько страхов и волнений
Поселилось в малыше!

**Александра Меркина (15 лет),
г. Санкт-Петербург, Россия**

* * *

Тают смутно очертанья
Башен, домиков, заборов.
И сливаются в узоры
От холодного дыханья.
Мир написан акварелью,
Слишком мало взяли красок.
Здесь цвета дают подсказку:
Кто есть кто на самом деле.
Были скрыты мраком тени,
Наступает лес холодный,
И туман ложится тёмный,
Накрывая по колени.
Ночь поистине чудесна:
Всё слилось в цветные пятна.
Но становится понятно –
Здесь всему своё есть место.

Как разлитые чернила

Как разлитые чернила, тучи,
Тучи над Невой плывут.
Долго, жалобно, уныло
Нас к себе зовут.
Гребни волн, словно белила,
Цвет воды, как перед дождём.
Капли бьют нас с новой силой,
Мы по мостовой идём.

* * *

В предзакатном свете солнца
Всё становится нежнее.
Даже то, как мы смеемся,
Даже то, как пахнет клевер.
Тени кто-то смыл водою,
Кто-то сгладил силуэты.
Это чтобы мы с тобою
Не казались трафаретом.
Чтобы мы не лезли в рамки,
Чтобы «вырвались с бумаги»,
Чтобы выбрались из замка,
Преисполнившись отваги.

Всё, что днём виднелось чётко,
Расплывается, как краска,
Как фантазии ребёнка,
Как рисунок без контрастов.
Мы свободны, словно воздух,
Только в предзакатном свете.
Только здесь с тобой мы можем
Быть в пастельно-мягком цвете.
Мы с тобой вдвоём смеёмся.
Нам сейчас совсем не сложно:
В предзакатном свете солнца
Притворяться невозможно.

НОМИНАЦИЯ «СЕМЕЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО»

Виталина Устинова и Ульяна Устинова (дочь, 15 лет),
г. Нижний Тагил Свердловской обл., Россия

Сорока-Ворона. Старая потешка на новый лад

Сорока-Ворона кашку варила.
Сорока-Ворона внуков кормила.
– Надоела каша, каша да капуста!
– Мы хотим, чтоб сладко! Мы хотим, чтоб вкусно!
Бабушка Ворона в магазин слетала,
Все ингредиенты на пирог достала.
Первый внук дровишки колет,
А второй-то печку топит.
Третий внук бананы чистит,
А четвёртый тесто месит.
Пятый ловко, пятый классно
Длинный противень мажет маслом.
В пироге начинкой сливки да бананы.
Сам пирог огромный!
Сам пирог румяный!
Сорока-Ворона противень доставала,
Пирог разрезала, внуков угощала:
Этому дала, этому дала, тому дала....
Всем дала
Пирога!
И никто голодным в сказке не остался.
Каждый потруился.
Каждый постарался.

Берёзка и ёлочка

Как берёзка осенью хороша!
Ветер гладил косы ей, чуть дыша.
Ёлочка, завидуя и скорбя,
Видела обиду в том для себя:
«Мне ветра при случае говорят,
Что уныл и сумрачен мой наряд.
Ветви очень колкие, беден цвет....
На любовь, с иголками, шансов нет».
И подружка жалобу поняла.
Ветви опахалами подняла,
С ветерками щедрыми сговорясь,
Бросила «монеты» ей, не скупясь:
«Я остаться голою не боюсь».

Я с тобою золотом поделюсь.
Станешь ты нарядная, а потом
Ты зимой поделишься, серебром»!

Сказка про стихии

Вот я – Саламандра, стихия Огня,
Должно быть, ты слышал, дружок, про меня.
Я очень красивая, вечно живая,
Блистаю, сверкаю и горя не знаю.
А это – Орёл, он стихия Воды.
И мы благодарны ему за труды.
Он – речка большая, и быстрый ручей,
И радуги капли в сиянии лучей.
Однажды поспорили, дружбу храня,
Стихия Воды и стихия Огня.

«Я всё уничтожу!» – Огонь заявил.
 Но Воздух с Водой Огонь потушил.
 «Я всех затоплю!» – обещала Вода,
 Но Воздух её осушил без следа.
 Воздушная Белка стихию хранит,
 Она и Огню, и Воде подсобит.
 Ведь с Воздухом жечь! И на Воздухе лить!
 Огонь и Вода продолжают дружить.

Сергей Вострокнутов и Маша Турова (8 лет, племянница),
 г. Воткинск, Удмуртия, Россия

Разговор

Наш Максим идёт по тракту,
 Папа с мамой позади.
 Проезжает мимо трактор,
 Оглушительно гудит.
 – Что он так гремит, грохочет,
 Выдыхает чёрный дым?..

Овладеть, конечно, хочет
Строгой техникой Максим.
Он родителям:
– Так что же,
Где тут ближний магазин?
Купим трактор мне такой же?
Отвечает папа:
– Сын,
Разве ты права имеешь,
Да умеешь ли водить?
Это надо стать взрослее,
Чтобы трактор изучить,
И к тому же, в магазине
Настоящий не найти.
– Успокойся, – мама сыну.
Тот:
– А долго мне расти?!
– Да успеешь, без сомненья,
Как и папа станешь твой.
Мы тебе ко дню рожденья
Купим трактор заводной.
А теперь идём обедать.
– Нынче щи да молоко...
Так закончилась беседа,
Дом их был недалеко.

Радость в доме

А у нас-то с папой радость,
В доме новости с утра:
Наконец-то мама брата
Мне сегодня родила.
Я матрёшку пеленала,
Чтобы тоже мамой стать,
Целый день тренировалась
И кормить, и усыплять.
– Подросла и наша нянька, –
Папа в шутку перед сном.
– Скоро мы живую ляльку
Из роддома привезём!
С папой долго говорили,
Как братишку назовём,
И в конце концов решили –
Лучше маму подождём.

Что случилось?

Тима кошку пеленал,
Соску Машину достал
И сказал братишке: – слушай,
Мамой будешь ты, Кирюша!

Завари мне свежий чай
Да и Машу покачай!
Но Кирюша возмутился,
Мамой стать не согласился...
– Ну, иди траву косить,
Если папой хочешь быть!
Тима с «дочкой» занимался,
А Кирюша собирался:
Кепку папину достал,
И в его кроссовки встал...
Мама появилась с Машей:
– Что случилось, дети наши?
Что ты, Тима, натворил?
И куда пошёл Кирилл?
Тима громко засмеялся:
– Я за маму здесь остался,
А Кирилл пошёл косить,
Раз он папой хочет быть...
Тут Кирюша растерялся,
Засмутился, застенялся.
Папа с улицы спешит,
Все смеются от души.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ.....	5
ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА.....	9
Геннадий Григорьев (Григорий Егоркин).....	9
ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА.....	18
Александр Быстров.....	18
Андрей Ивонин.....	23
Светлана Алексеева.....	28
Павел Сабинский.....	33
Светлана Ломакина (Светлана Севрикова).....	39
Юрий Макашев.....	45
Ида Лабен (Ирина Полонская).....	49
Виктория Соколовская.....	54
ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ» (полуфинал).....	58
Татьяна Воронова.....	58
Ирина Савченко.....	61
Сергей Востриков.....	65
Елена Уварова.....	68
Дина Дронфорт-Кандидова.....	71
Сергей Кривонос.....	74
Мария Валеева.....	78
Кристина Иванова (Денисенко).....	80
Елена Чалиева.....	83
Наталья Титова.....	86
КОНКУРС «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ – 2025».....	92
НОМИНАЦИЯ «ВЗРОСЛЫЕ – ДЕТЯМ».....	92
ПОБЕДИТЕЛЬ.....	92
Марат Гарданов.....	92
ФИНАЛИСТЫ.....	93
Александр Гиневский.....	93
Наталья Колмогорова.....	95
Александр Колтаков.....	96
Сергей Кривонос.....	98
Елена Курина.....	99
Виктор Маньков.....	100
Ирина Савченко.....	102

Наталья Тимофеева	102
Лилия Тырса.....	104
Любовь Чернова.....	105
НОМИНАЦИЯ «ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО».....	107
Елисей Липатов.....	107
Александра Меркина.....	108
НОМИНАЦИЯ «СЕМЕЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО».....	109
Виталина Устинова и Ульяна Устинова.....	109
Сергей Вострокнутов и Маша Турова.....	112

География

Ежегодной Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия»
(сезон 2025)

Российская Федерация

Донецкая Народная Республика —

Юнокоммунаровск

Луганская Народная Республика — Сватово

Республика Башкортостан — Уфа

Республика Карелия — Петрозаводск

Республика Марий Эл — Йошкар-Ола

Республика Хакасия — Саяногорск

Брянская область — Брянск

Волгоградская область — Волгоград

Воронежская область — Воронеж

Калининградская область — Калининград

Калужская область — Малоярославец

Кировская область — Киров

Курская область — Железногорск

Ленинградская область — Тихвин

Москва и Московская область — Москва,
Коломна, Лобня, Мытищи, Пушкино, Хорлово,
Хотьково, д. Калиновка

Нижегородская область — Нижний Новгород,
Саров

Алтайский край — Барнаул, село Топчиха

Краснодарский край — Геленджик, Ейск

Красноярский край — Красноярск

Новосибирская область — Бердск

Орловская область — Мценск

Оренбургская область — Оренбург, село Елшанка
Первая

Ростовская область — Ростов-на-Дону,
Каменск-Шахтинский

Самарская область — Самара, Клявлино

Санкт-Петербург — Санкт-Петербург

Свердловская область — Екатеринбург,
Каменск-Уральский, Красноуральск, Тавда

Ульяновская область — Ишеевка

Челябинская область — Копейск, Снежинск

Ближнее зарубежье

Армения — Ереван

Беларусь — Минск, Витебск, Полоцк

Казахстан — Алматы, Петропавловск

Украина — Тернополь

